

АКИМ ТАРАЗИ

Тихое мужество противостояния

Алматы "Білім" 2003
КУРБЫШЕВСК
ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЯ
БИБЛИОТЕКА

ББК 84 Каз 7-44
Т 19

*Выпущена по программе Министерства культуры,
информации и общественного согласия
Республики Казахстан*

Аким Тарази.

Тихое мужество противостояния. Лирико-публицистические эссе. – Алматы, “Білім”. 2003. – 92 ст.

ISBN 9965-09-146-3

В эту книгу вошли лирико-публицистические эссе известного писателя, Лауреата Государственной премии РК Акима Тарази, опубликованные в русскоязычных газетах и журналах за последние годы. Многие из них записаны корреспондентом газеты “Казахстанская правда” Любовью Шашковой. В них автор с присущими только ему открытым пафосом, с тонким юмором и блестящей логичностью поднимает животрепещущие проблемы, закономерно сопровождающие развитие любого молодого государства. Язык А.Тарази саркастичен, но гибок и богат.

4702250201-018
Т **2003**
412(05)

ББК 84 Каз 7-44

ISBN 9965-09-146-3

© Тарази А., 2003
© “Білім”, 2003

ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ

Позволю себе “воспользоваться” названием романа Джона Стейнбека, который многие сегодня перечитывают заново, ища в нем поддержку, настолько состояние его героев перекликается с нашими переживаниями. Но даже если отвлечься от литературных реминисценций, то весна действительно дает людям надежду, а приход зимы несет тревогу: в народе не зря всегда готовятся “зиму пережить”. Назначенные на зимние студеные дни выборы Президента Республики Казахстан вызывают у меня тревогу. Хотя волноваться вроде бы нечего. Зная отношение людей к нашему Президенту, я всегда был в числе того большинства, которое говорит: Назарбаев победит. Но вот проходят дни, и наступает время, когда мы должны провести в своей душе некую ревизию: куда мы идем, с кем мы идем, каково будущее Казахстана и что надо каждому из граждан делать накануне этого решающего выбора. Самый легкий путь, конечно, — оставаться в стороне, думать: ладно, решится и без меня. Это очень легкий путь. Но я убежден, что он не для нас сегодня. Может, в таких больших странах, как Америка или Китай, необязательно, чтобы каждый гражданин думал о будущем государства. Его задача думать о себе, о своей семье, о ее благополучии. Ибо из благополу-

чия каждой семьи составляет там общее состояние. У нас же пока наоборот – общее благополучие государства как никогда будет влиять и влияет на положение каждой семьи.

Средства массовой информации, и государственные, и те, что себя называют свободными, достаточно откровенно пишут о положении в стране, где-то даже нагнетают обстановку. Признаюсь, это меня не возмущает. Когда телевидение показывает заброшенный аул, бесхозный город – без тепла, без газа, без электричества, я благодарен им в душе за эту правду. Когда у Индиры Ганди спросили: какая самая главная проблема стоит перед Индией, она ответила: население Индии приближается к миллиарду, и я вижу миллиард самых главных проблем. Значит, кто бы ни был избран Президентом Казахстана, на него мгновенно навалятся 15,5 миллионов проблем. Проблемы Темиртау, Жанатаса, Кентау, Каратау, проблемы заброшенных казахских аулов, которые на 80% находятся в пустынных и полупустынных зонах. Они и при советской власти были забытыми и брошенными, сейчас же в этих бывших колхозах и совхозах усиливается процесс социального разделения. Одним словом, проблем уйма. И я глубоко убежден, что решить наши проблемы может только правильная система, а не один человек.

Сейчас очень легко поддаться любым, самым нереальным обещаниям. Вспомним выборы в России: один человек обещал, что восстановит державу и сапоги будет мыть в теплых водах Индийского океана, и за него проголосовало 10% населения. Мы же не можем сказать, что это была самая глупая его часть. Люди просто ему поверили. В силу ли уровня своего образования, воспитания, социально ли это люмпенизированная часть... Но

10% – это не шутка. И здесь тоже возникает тревога: не разделится ли наше общество на сознательную и люмпенизированную части, потому что все же общая картина у нас не очень радужная.

Сильная рука

С кем ни поговоришь, люди сетуют: нет порядка. А кто его наведет? Сильная рука. Согласен: порядок нужен. Но наведенный не силой, а разумом. Еще одна причина саморазрушения бывшего государства – это порядок, превращенный в самоцель. Порядок ради порядка. Человек был в этой системе винтиком – без лица, без сердца, без головы, не личность-индивидуум. А когда система требует порядка, ей не до индивидуума. Поэтому миллионы оказались в положении, когда они не смели пикнуть. Для выбивавшихся из строя были Сибирь, Карлаг, другие “лаги”.

Порядок – великая вещь. Он нужен во всяком обществе, но не должен самодовлеть. Сильная рука, которая спокойно раздавит хрупкую рюмочку, зантра может легко раздавить и душу человека. Раздавлив однажды одну душу, рука не остановится. Ей это понравится. А без управления умной головой, любая рука способна загубить не одну голову.

Да, правда, что многие хорошие намерения нашего нынешнего Президента, “спустившись вниз” – в области, районы, аулы, часто превращаются в свою противоположность. Почему? Мне кажется, потому, что импульс, который посылается одной умной головой, должен находить себе место в следующей умной голове, а не приводить в движение бестолковую сильную руку. У казахов есть пословица “Шаш ал десе, бас алады”

“Даешь команду: сними волосы – снимают голову”. Или не делают ничего.

Время профессионалов

Сейчас политикам модно иметь имиджмейкеров, которые должны ориентировать “жуйрук”, по-казахски говоря, того, кто готовится к скачкам. Мы уже говорили о пагубной тенденции претендентов на власть обещать: пенсионерам, как самой активной части населения, — увеличить пенсию. Второй активной части общества — студентам — увеличить стипендию. Активно работающим государственным служащим — обеспечить зарплату, коммерсантам — улучшить налоговую систему, сельхозработникам — дать выгодный кредит и т.д. и т.п. Обещать-то можно. Но общество имеет свои твердые закономерности развития, которые не мешало бы знать. Не говоря о том, что право обещать надо тоже заработать. У нас же имиджмейкер говорит: вот ты никому не известный претендент. Как привлечь к тебе внимание? Давай-ка устроим маленький скандал. И невдомек ему, что ударивший прилюдно одного, завтра поднимет руку на другого, на всех неугодных. Я говорю это не для того, чтобы унижить претендентов на высокий пост. Я размышляю об их реальных возможностях. И того, кто скандалит, и другого, кто упорствует в желании оживить описанное время, время, которое само себе вынесло приговор. А ведь всех претендентов мы знаем, знаем их возможности. И вот думаешь: человек, который в своей жизни не управлял даже двумя людьми, берет на себя смелость заявлять, что он готов управлять государством. Или человек, который не может управлять собой, контролировать свои поступки, как он может передавать свою волю другим? Здесь не помогут ни ум, ни изворотливость. Тут нужна большая школа. Управлять людьми — это большое искусство. Конечно, намерение любого человека

испытать свое счастье на высоком поприще не осуждается. Но каждый претендент все же должен хорошенько разобраться в себе: кто я, каков мой уровень и на каком уровне находится сегодня общество, на что я замахиваюсь.

Открытым текстом

Мне импонирует, что Нурсултан Абишевич Назарбаев к власти готовился долго и целенаправленно. Я первый раз увидел его, когда он был секретарем по идеологии Темиртауского горкома партии. Я возглавлял Союз кинематографистов и привез на Магнитку грузинских коллег. Назарбаев – добрый, открытый человек, о чем говорит и его улыбка. А ведь индивидуальные качества руководителя всегда отражаются в хорошем или плохом смысле на судьбе общества и отдельных людей.

Мы знаем, что из всех 15 республик самой сложной при развале Союза была ситуация с Казахстаном. Нам могли не дать “развода”. Я вспоминаю последнее выступление Горбачева, когда он, схлестнув все десять пальцев рук, говорил: кто нас теперь разомкнет с Казахстаном? Да, и за 300 лет, и за 80 лет мы действительно близко сплетены. Положение было сложное. вспомните хотя бы такие факторы, как 36% местного населения, военно-промышленный комплекс, судьбою брошенные народы и народности, наше положение лаборатории дружбы народов... Я думаю, мы избежали опасности кровопролития только благодаря гибкости нашего первого Президента. Получив суверенитет, кто-то другой мог объявить приоритет той, или иной нации, и мы бы оказались на краю пропасти. У

Казахстана уже был горький опыт декабря 1986 года, который всех отрезвил, научил быть осмотрительнее и осторожнее с такой взрывоопасной материей, как межнациональные отношения. Наш Президент очень гибко ведет политику – и внутреннюю, и внешнюю. Учитывать все интересы, находить общий язык – в этом смысле ему нет равных.

Над всеми нами есть безжалостный судья – время, готовый в любой момент пустить стрелу из натянутого лука. Любой руководитель должен помнить, что есть история аула, города, страны. И работать не на себя, а на пользу своего народа.

Молодежь наша выдвинула сейчас лозунг “Мы знаем, кого выбираем”. Я тоже знаю. И призываю всех голосовать не за сильную руку, а за сильный разум, голосовать за профессионала, который не раздаст обещания, а обещает всем своим прошлым, всем своим богатым багажом известного политика надежное будущее наше.

СКВОЗЬ СТУЖУ ВРЕМЕНИ ПРОБЬЕТСЯ ЭДЕЛЬВЕЙС

О нашем бедном ауле

У меня есть друг Джахангер Мырзалиев. Когда мы заканчивали десятый класс (нас было всего 13 мальчиков), он, со своим двухметровым ростом, стоял в строю всегда первым, а я — последним. Теперь у него 11 детей. Все они разъехались по большим городам, а он остался там же, в ауле под Мерке, где я вырос. И когда я бываю на родине, всегда заезжаю к нему. Последние годы его настроение меня не радовало. В душе он как был преданным коммунистом, так и остался. И я его понимаю. Нынешним летом я опять заглянул к нему. Когда мы собрались за дастарханом, я привычно спросил: “Как дела?”. И он ответил: “Знаешь, Аким, я не воспринимал эту новую жизнь, но вот что-то во мне заколебалось. Был у нас богатейший колхоз, он распался на 20—30 хозяйств, и я это воспринял как катастрофу, развал. Но последний год вижу: каждое малое объединение работает на себя, люди ищут выход. А вот то, что мы жили всегда на готовом, это нас и испортило. Я понял, что человек должен сам трудиться, а не ждать, чтобы государство его кормило”. Я вспомнил его слова уже на следующий день по дороге в родовой аул, где покоятся мои предки. Переехав реку Чу, увидел юрты и работающих в поле людей.

Они сажали лук! Обычно у нас этот труд ассоциировался с корейцами, так сказать, исконными монополистами луковых плантаций. И вот казахи решили составить им в этом деле конкуренцию. Как было не порадоваться за своих земляков-таразцев!

Подтвердил мои первые наблюдения и старейшина нашей семьи, мой троюродный дядя Турмагамбет: “Жить стало лучше. Людям руки развязали, и они работают. Дураки все пропивают, а умные трудятся, ищут выход в себе. А это много значит”. Не скрою, мне стало приятно, что в столь преклонном возрасте человек задумывается о происходящих вокруг переменах.

Я был снова в поле. Не потому, что журналистски искал какие-то факты, просто там работали мои родственники и мне хотелось поговорить с ними. Из разговоров явствовало: кто-то трудился уже не только, чтобы свести концы с концами, а хотел купить детям машину. Значит, дела действительно начинают налаживаться.

Как всякие далекие от столиц и политики люди, родичи мои были уверены, что в Алматы писатель если не каждый день, то уж через день при желании может поговорить с Президентом. А потому были откровенны в своих претензиях: “Ты бы сказал Назарбаеву, что рэкетеры нас замучили. С местными-то мы сами стараемся бороться. Но когда приходит государственный рэкетир, тут уж никакого сладу. Считай, на них и работаем”.

Все эти поборы действительно отбивают охоту трудиться. Земляки мои пробуют торговать с Сибирью, но в основном сбывают свою продукцию перекупщикам за бесценок. Надо все же тысячам тружеников села создавать свои кооперативы, профсоюзы, защищающие их интересы, почувствовать реальную заинтересованность госу-

дарства в результатах их труда, научиться не только выращивать, но и продавать. И фермерский юг начнет кормить страну.

О знакомых мне бомжах

Когда я вижу по телевизору наших пенсионеров, которые 30-го числа каждого месяца обязательно выходят на улицу, мне хочется быть с ними рядом. Не потому, что туго живется. Хотя сегодня всей интеллигенции несладко (мы самое низкооплачиваемое население, а стать другим нам, видимо, и мешает наша интеллигентность). Я еле сдерживаю естественный свой порыв, понимая, что мое появление может быть расценено как идеологический демарш. Но ведь не посочувствовать отброшенным за черту бедности людям нельзя. Все мы видим, как процветает “мусорный бизнес”. Я знаю в лицо всех бомжей “промышляющих” вокруг моего дома. Среди них есть умные, интеллигентные люди, есть пенсионеры. Они роются в мусорных ящиках не потому, что у них дети – звери, а потому что этим детям самим нечего есть. Я недавно встретил своего старого знакомого – профессора биологии, подметающего улицу. Мы сделали вид, что не узнали друг друга. Я отошел подальше, а душой “отойти” от него долго не мог. Но он не единственный. Я знаю десятки писательских семей, перебивающихся тем, что торгуют на базаре. А ведь это она, эта самая интеллигенция, создает лицо, дух нации, и она же стоит перед правительством с протянутой рукой. Не за милостыней. За оплатой своего труда. Ведь у нас понятие “гонорар” вообще исчезло из обихода. Еще Пушкин сказал: “Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать”. У нас же рукопись еще можно издать,

но вот продать... А ведь садясь за письменный стол, я уже начинаю торговать своим трудом. Еще при Пушкине был создан Литературный фонд России. Наши фонды в первые же дни перестройки были разгромлены. Хорошо, удалось с помощью Президента страны вернуть собственное здание и Дом творчества. Появились какие-то средства хоть на похороны, да стариков поддержать...

О счастливой для казахов девятке

Есть повод для "осведомленного оптимизма" в этом году. Цифра девять — святая для степняков. Благосостояние измеряется этой цифрой. К Создателю обращаются три раза по три. Девятый год свободы и независимости страны Президент объявил Годом поддержки культуры. Не получилось выбросить культуру за борт. Не покорила она такой судьбе и не до конца еще попала в рабство рынку. И вспомнился наш горе-премьер Кажегельдин, говоривший: "Какая может быть культура, когда идет такая война!". Под войной он подразумевал дележ. Потому что во время Великой Отечественной войны открывались театры, консерватория, в Алматы работал "Мосфильм". Этот же человек не чувствовал себя премьером, он был участником дележа, а потому и заявлял: "Профессора требуют увеличения зарплаты, а ведь они ходят в свой вуз два раза в неделю, а я пашу сутками, но добавки к зарплате не прошу".

На девятый год свободы Президент объявил, что без культуры нельзя. Но его решение останется на бумаге, если не принять законы, не создать законный фундамент. И первый из них — закон о культуре, в котором бы главы и пункты не противоречили друг другу. Этот закон должен

гарантировать, что человек, отдающий свой труд духовному обогащению народа и государства, будет соответственно вознагражден за свой труд. Арык копать может любой физически здоровый человек, но символический арык, путь к духовному роднику копает лишь человек творческий. И путь его лежит вверх, в гору, а не с горы. Потому наш будущий красивый дом, именуемый культурой, должен иметь прочный фундамент закона, который, например, должен поощрять меценатство в культуре. Хотя, право, не знаю, для кого создавать такой закон.

Я бывал в среде "новых казахов". От их тупости и самодовольства хочется бежать уже через 15 минут. Им неведомы даже нравственные максимы Абая, где уж говорить о высоком примере Морозова или братьев Третьяковых. 518 оперных театров Америки содержатся за счет богатых покровителей и спонсоров. Так же дело обстоит с оркестрами, библиотеками. У казахов есть пословица: "Молитва и пост имеют смысл тогда, когда человек сыт". Лет пять назад Президент не мог бы объявить подобное. Значит, мы постепенно созреваем, начинается что-то новое, идет процесс пробуждения. Критиковать легко. Но если мы голосовали за своего Президента, значит, и мы часть ответственности за будущее взяли на себя. И за нашу культуру тоже.

И все-таки эдельвейс пробьется сквозь покровы снега. Этого хочет наша душа.

ТИХОЕ МУЖЕСТВО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Я бы назвал статью о нем "Тихое мужество". Это был человек тихий, скрытный и невероятно мужественный. Раскрывался он постепенно и раскрывался, как ни странно, когда встречал сильное сопротивление. Подобно клинку, который, прикасаясь к твердому камню, вдруг заиграет — но это не искры от удара, а та игра, когда клинок оттачивается, встречая сопротивление камня. Вообще он был интеллигентный, мягкий, в очках. Посмотрев на него, никогда не подумаешь, что в нем кипит внутренний жар — магма. Так земля несет свой кипящий, животворящий огонь где-то внутри, в ядре, а на поверхности — спокойные речки, леса, степи, горы... Вот такое сравнение. Верность этого сравнения особенно стала для меня очевидна, когда я ознакомился с его дневниками. Человек жил себе, а ночью уединялся и со всей страстью раскрывался над листом бумаги.

Но и своей работе журналиста он отдавался полностью, проявляя и здесь мужество. Один из таких примеров связан с его борьбой за одну букву. Все знают, что долгое время мы говорили и писали "Медео" и тем самым мы отдаляли источник от основы. Реально существовал человек Медеу, своеобразный меценат, наш Савва Морозов, который свои несметные богатства сознательно

отдал большевикам. Когда его не стало, урочище с названием Медеу так и осталось, а вот когда построили стадион, назвать прежним именем показалось неприличным, коммунисты поменяли одну букву, и это стало “Медео” — нечто символичное, международное. Тельман Жанузаков, став собственным корреспондентом газеты “Правда” по Казахстану, в первом же своем материале написал не “Медео”, а “Медеу”. Раза два еще прошло такое написание, потом спохватились, его вызвали в ЦК: что вы делаете? Почему “Медеу”? Он говорит: пора восстановить историческое имя человека. Его предупредили, что так не делается, что новое название уже утвердилось, прижилось. Еще, как на зло, какие-то хулиганы, сознательно или бессознательно, разбили щиты-указатели на поворотах к ледовому стадиону, и, вместо “у” сверху снова “нарисовали” большую букву “о”. Партийные чины в этом увидели протест против советской, партийной политики. Поднялся большой шум... Уже стоял вопрос, чтобы через некоторое время его тихо с этой должности отправить. Потом это как-то замяли, решили не акцентировать, “Медеу” снова стало “Медео”.

Невероятная принципиальность его высказывалась и в других “правдинских” материалах по Казахстану. Я помню случай. Мы как-то выехали в горы, и я почувствовал, он хочет что-то сказать. И он как-то очень осторожно начал: “Наверное, уйду я из редакции “Правды”, потому что настаивают, чтобы я пошел против правды. Нашего одного хорошего человека хотят опорочить”. Я не стал докапываться, я его характер хорошо знал. Фамилию он так и не назвал. Материал, конечно, заказали другим. Но раз собкор не согласился выполнить заказ — это уже ЧП для редакции “Правды”. Потом в ней появились фельетоны по

Казахстану, наверное, среди них был материал, под которым Тельман не захотел подписаться.

Поскольку эти воспоминания посвящены человеку, который уже давно ушел от нас, думаю, можно говорить не только о служебном характере, но и о мужестве в личной жизни, о способности к поступку. Он был уже редактором журнала “Ара—Шмель”, это была номенклатурная работа со всеми вытекающими отсюда последствиями — машина, квартира. И люди семейные, державшиеся за свое кресло, старались свои сердечные дела решать тайком, скрываясь. А Тельман полюбил человека и об этом сказал громко. Помните, как в “Анне Карениной”: Анна видит двух женщин легкого поведения и думает: “Боже мой, они все откровенно делают, все знают, что они люди аморальные, а высший свет их терпит, а вот стоило мне открыто сказать о своей любви — все общество навалилось на меня, весь Петербург”. Тельман тоже не стал скрываться в своем чувстве, и на него набросились все. Лишили его работы... Развод тогда был делом нешуточным. Как раз в эти дни он очень близко сошелся со мной, я даже грешным делом посоветовал ему: может, не стоит так все рвать? Я думал может быть, этот человек недостоин Тельмана. Мы же все со стороны смотрим на это дело, взвешенно. Вот и я, просчитав все “за” и “против”, даже посоветовал ему быть более осторожным. За это он меня буквально возненавидел. Мне до сих пор стыдно. Мы все-таки ужасные эгоисты. Даже понимая, что такое любовь, мы не можем применить это именно к конкретному случаю. Вот это мужество в любви, ему дорого стоило, оно и погубило его. Сердце и так было больное, он уже перенес операцию на сердце. Был такой профессор Мешалкин, кардиолог в Новосибирске. Когда очень трудно Тельману стало, друзья отвезли его к нему.

Он выжил, хотя буквально при смерти лежал. Доктор велел ему быть осторожным, не рисковать здоровьем, сколько проживешь — живи... Но он не умел и не хотел жить жизнью, отпущенной ему доктором.

Я вот думаю, в чем источник его мужества? Он к своему творчеству относился завышенно требовательно, не публиковал свои вещи, и в Союз писателей мы принимали его как переводчика. Теперь прочитав его дневник я убедился, как подробно переживал он каждый свой день. Дневник воспринимается как художественное произведение, как роман-эссе с реальными героями. Он не просто излагает, а очень страстно выражает свое отношение к событию. Очень интересный есть, например, эпизод празднования 70-летия Димаша Ахметовича Кунаева. Как редактор журнала Т.Жанузаков должен был преподнести подарок, а в ЦК решили, что они обязаны проконтролировать, какой текст будет писаться к подарку, какое будет содержание подарка. Он очень интересно, с большим юмором описывает этот день, как люди суетились и как в результате он опять проявил характер, отказавшись быть подконтрольным человеком. Сейчас издалека все это смягчается, наши переживания кажутся смешными: ну, подумаешь, выгнали с должности редактора журнала "Ара-Шмель"... отняли персональную машину, персональный кабинет. Хотя ведь могли так "опустить" человека, что не всякий выдерживал — и спивались, впадали в депрессию, бывали случаи, когда сводили счеты с жизнью.

Было такое страшное, сложное время. С одной стороны, это время я как-то назвал "ласкающее", вроде бы все было хорошо, все улыбались. Но страшный тоталитаризм подводный был у нас: улыбались человеку — и могли ~~сгубить~~, донести; улыбались, обнимались и ~~нагибали~~ ~~сидеть~~ друг

друга — и у нас в Союзе писателей, и у журналистов... Но я хочу сейчас сказать о другом. Тельман Жанузаков в совершенстве владел и русским языком, и казахским. Его дневники написаны на русском, но он переводил на казахский Алексея Толстого и был удивительно чуток к казахскому языку. Он прочитал мой роман “Гнездо на облаках” и звонит мне: ты молодец, нашел настоящее слово “сквозняк”, а не кальку используешь с русского. А я действительно тогда прочитал эпос “Алпамыс”, и там тысячелетие уже используется совсем другим природным словом. Тельман говорит: я его знал, но не сумел использовать, а ты нашел. И я понял, что ему это понравилось, что он досконально прочитал мой роман, что тоже редкость. Вот это такой был человек. Он очень придирчиво относился к слову.

Судьба переводчика, знаете, вызывает у меня по большому счету жалость. Человек отдает себя другому человеку, а сам остается в тени. Я читаю, скажем, его перевод, но я же не буду говорить, что я читаю Тельмана Жанузакова. Я читаю Толстого, совершенно забыв о переводчике, ведь так? И в этом тоже я вижу мужество его таланта. То есть когда человек думает, как лучше передать мысль, образный строй, художественный мир другого, совершенно забывая о себе, — это мужество. Мы ведь, грешным делом, всегда думаем о себе: как нас воспримет читатель, как я повлияю на него, что он скажет. В самых глубинах авторского чувства, сколько бы мы там ни прикидывались бескорыстными, лежит наше “я”, наша корысть авторская, а у переводчика этого нет. Поэтому мне так бывает жалко хор, даже самый прекрасный, что в нем теряется голосовая певческая индивидуальность. Красиво звучит, но слава идет дирижеру, как, впрочем, и в любом оркестре —

десятки талантов остаются безвестны. Также вот, когда я вспоминаю Тельмана, я вспоминаю всех переводчиков, и как-то щемит сердце.

Абай говорит: Бог создает человека и дает ему характер, дает ему сущность, то есть он дает предпосылки. А какова будет судьба, уже дальше зависит от самого человека. То есть в пределах возможности судьбу создает сам человек. Это учение очень новое, земные религии не позволяют... такую вольность. Говорят же — от судьбы не уйдешь. А Абай говорит: судьбу можно сделать, опираясь на то, что дал тебе Бог. В пределах возможности. Вот это “в пределах возможности” ни у кого я раньше не встречал. То есть от ста шагов до тысячи тебе дается пространство. А как ты его пройдешь, может быть, ты упадешь, не дойдя — от тебя зависит исключительно. Именно в этих “пределах возможного”, сделавшего свою судьбу, я рассматриваю сегодня жизнь своего друга Тельмана Жанузакова. Он распорядился своею жизнью исходя из своего характера, толкавшего его противостоять судьбе.

ДЕМОКРАТИЯ – УЗАКОНЕННЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

*Беседа с гл.редактором газеты “Мегаполис”
Е. Турсуновым*

– Аким-ага, мы с вами знакомы вот уже 15 лет. Помнится, я даже переводил кое-что из вашей прозы, поэтому мне легко и приятно с вами говорить. И все же хотелось бы больше послушать ваши рассуждения на, может быть, не очень простые темы. Ведь вам уже и по возрастному статусу позволено говорить вслух о многом, как-никак в сентябре вам исполняется 70 лет.

– Нет, это не так. 9 сентября мне 700 лет! Не в смысле, что я таким старым себя ощущаю, просто столько событий вместилось в моем сознании и подсознании! Стоит мне вспомнить один незначительный эпизод из моей биографии, как этот “моментик” начинает “опухать”, разрастаться подробностями так, что миг этот тут же к “экрану” сознания вызовет миллионы подробностей той минуты... Я удивляюсь – в те далекие времена мой мозг фиксировал “окружающую среду” ничуть не хуже наисовременных теле-кинокамер. Ведь я принадлежу к поколению тех, кто помнит еще войну, разруху, голод, сталинские репрессии, Хрущева, потом становление развитого социализма, казахстанский миллиард и, наконец, постсоветское время... Словом, мне порой кажется, что я так давно живу...

— Ну и как вы себя чувствуете: уютно — неуютно?

— Нормально. Главное, я сохранил нутро, свое содержание, не мельчил, не расплескался по дороге. Вот сейчас преподаю два дня в Академии искусств, а все остальное время мое. Пишу.

— Что именно?

— Сценарий про Мустафу Чокая. Это будет трехсерийный художественный фильм. По мере изучения личности Чокая я для себя открыл, что в истории Казахстана, во всяком случае в XX веке, более высокой и мощной фигуры не было и нет. По существу Мустафа Чокай создал Туркестанскую Республику по аналогии с Парижской Коммуной. Но если французская коммуна просуществовала 72 дня, то туркестанская продержалась на десять дней меньше. Это было воистину трагическое время. На авансцене политической жизни выступали выдающиеся люди, объединенные общей идеей независимости, самостоятельности, глубоких социальных преобразований. Однако факт остается фактом: будучи членом правления “Алаш-Орды”, Мустафа Чокай не разделял мнения многих участников движения и выступал за скорое создание отдельной республики, отвергая поэтапность. Даже Ленин не смог договориться с ним по этому поводу.

Ленин предлагал ему создать республику под эгидой большевиков, но Чокай выступал против всякой эгиды. Его поддерживали многие иностранные государства, готовые вложить инвестиции, была уже организована милиция, готовился создать армию, выпустить Туркестанские деньги. Правительство Чокая представляло собой вполне интернациональный состав министров: были и евреи, и немцы, и казахи, и узбеки... К сожалению, в итоге ничего не получилось. Помешали “чужие” умные и “свои” глупые.

— К сожалению, Аким-ага, у казахов всегда было много врагов. Нам все время кто-то мешал жить. Кто нынче наши враги? Вернее, в чем, по-вашему, самые главные проблемы в нашей теперь свободной стране? Мы уже одиннадцать лет как независимы.

— Лично я не рассчитывал, что она — эта свобода — придет к нам “так скоро”. По моим прогнозам, может быть, году эдак в 2017 я ожидал какого-то послабления, приуроченного, например, к 100-летию Октября. Но, видимо, система себя изжила раньше. Вот так жизнь обогнала все самые смелые мои фантазии. Но сегодня, на мой взгляд, самая острая проблема современного Казахстана заключена в коррупции. Я считаю, что примерно 85% всех наших бед и неурядиц произрастает из-за коррумпированности. Когда чиновники самых разных уровней, преследуя свои шкурные интересы, сливаются с частным капиталом, а проще говоря, за взятки решают какие-либо дела. Еще в 1992 году, выступая по республиканскому телевидению, я говорил, что эти “новые” казахи — явление временное. Они разбогатели вдруг на приватизации благодаря “волосатым рукам”. Их жизнестойкость не очень велика, поскольку они беспочвенны. На смену им придут другие, те, кто похитрее, половчее и осторожнее. Но и они не все выживут, защищая нажитое добро. Придет третье поколение предприимчивых людей лет через 15-20. Вот эти-то и должны оказаться более-менее порядочными, честными и образованными. По сути, так оно и произошло. Нынешние бизнесмены уважают закон, а если хитрят, то по очень хитро-мудрым схемам, их так просто за руку не поймаешь.

— Вы хотите сказать, что коррупционеры тоже не стоят на месте; они развиваются вместе с новой системой?

Можно и так. Хотя мы не очень изменились. Социализм еще продолжается. Но я вот изучал опыт многих стран, которые резко перешли от тоталитарной системы правления к демократии. Это и Египет, и Таиланд, и Южная Корея, и Тайвань, и Турция... Так вот на первых порах суверенитета в этих странах, как правило, тоже процветала коррумпированность в высших эшелонах власти. И первыми обогащались именно они и их дети. В свое время Энгельс говорил, что первоначальное накопление капитала проводится "бандитскими методами". Затем идет борьба за сферы влияния. Потом уже, достаточно обогатившись, эти же люди хотят конституционно закрепить свои права, то есть защитить свой капитал, объявив святостью частную собственность. Словом, поэтапное становление отечественной буржуазии предполагает произрастание организации из одноклеточного состояния в довольно крупные корпорации и объединения. Поэтому народу будет предложена Конституция, которая бы защищала "свое нажитое" от экспроприации. Так что, на мой взгляд, демократия — это узаконенный беспредел.

· Какой любопытный вывод...

· А как же ты думал? Сколько раз пытались построить демократическое государство, и ни разу это не получилось так, чтобы удовлетворило всех. Потому что низы никогда не сочиняли Конституцию сами. Демократия нужна богачам.

Я понимаю, мои мысли несколько шершавы, но ... кто захочет разобраться, тот докопается!...

Вот вы профессиональный драматург. Как вы считаете, Казахстан сейчас находится в драматической ситуации?

— Да. И вся драма заключается в том, что наше общество насквозь пронизано... оголтелым эгоизмом. Но болезнь, развиваясь, может протекать

по-разному: и в худшую сторону, и в лучшую. В нашем случае общество постепенно оздоравливается.

— Следовательно, из-за этого и морально-нравственное состояние общества нельзя назвать благополучным?

— Конечно. Чтобы было понятно, я приведу такой пример. Почему у нас в Казахстане расплодилось юридические вузы, академии, университеты, институты и пр. Потому что укоренилось мнение, что хорошо живут те, кто работают в правоохранительных органах. Эти 17-летние выпускники школ не думают: вот, мол, пойду в вуз за знанием, за образованием. Нет, они идут туда за дипломом. А эти 4-5 лет как-нибудь перекантуюсь. Он же видит, что папа Нурика или брат Вовки живут хорошо, потому что один из них прокурор, а другой — судья. Наглядный пример всегда убедительнее самой живой теории. И все торопятся. Психология быстрого успеха заразна. С этим трудно бороться. Завтра они закончат эти вузы и будут першить суд, решать человеческие судьбы. Представляешь?

А кто у нас сейчас участвует у власти? Вчерашние помощники! Вчерашние комсомольцы-лозунгисты! Те, которые всегда мечтали стать начальниками, зажить широко и красиво. Они знают все правила игры, знают все входы и выходы, они признают только власть силы. Единственно, что они не признают — долгого кропотливого труда.

— Но жизни мы движемся в будущее, но сознанием остаемся в прошлом. Резонен вопрос, где же наша интеллигенция? Как вы оцениваете ее состояние и роль в нынешней ситуации?

— Какой бы плохой и грубой ни была советская власть, она создала прекрасные условия для появления мощной своей интеллигенции. Эта

интеллигенция была настолько сильна, что как только прежняя власть пала, новая поспешила от нее избавиться. Вспомните недавние 1989, 1990, 1991 гг. Тогда в депутатах оказались в основном интеллигенты. Они ведь и помогли нынешним прийти к власти.

То же самое произошло и в России. Б.Ельцин очень ловко использовал влияние интеллигенции, а через какое-то время всех их выбросил. Потому что интеллигенция, я говорю о настоящей, подлинной интеллигенции, опасна для власти. Так было всегда. И будет впредь. У нас в стране примерно до середины 90-х годов на интеллигенцию не обращали особого внимания. Это были годы мрака для казахстанской интеллигенции. Она стояла на базарах, продавала пирожки, ездила в Китай, челночила... Всякое бывало. В общем, интеллигенция страшнее атомной бомбы, и хорошо, что это наверху осознали. Где-то с 97-го года к интеллигенции повернулись лицом, но по-прежнему с опаской. Боятся конкуренции, авторитета, влияния. У интеллигентного человека нет армии, нет милиции, но его Слово может оказаться тем "Тротилом", который, как обычно пишут журналисты, мог бы снести с лица земли весь пятиэтажный дом.

— Может быть, нам нужна новая мировоззренческая программа? Новая версия страны? И обойдемся без интеллигенции?

— А ты никогда не задумывался, как такое огромное государство, оснащенное, переоснащенное военной техникой, с налаженной системой шпионажа и слежки, наушничанья и раболепия вдруг в один день рухнуло? Потому что "рух", то есть дух, больше не мог жить такой нелепой жизнью и захотел наконец свободы.

— Красиво говорите: рухнул "рух".

— Зря смеешься. Так и было. 19-миллионная армия коммунистов в один день сдала свои полномочия. Я в то время был членом бюро обкома партии и хорошо помню этот день. Состоялся пленум. Приехал президент, провел совещание. Объявил, что мы закрываемся. Ни один человек не шелохнулся. Лишь кто-то воскликнул с места: “Как же так?” Но его никто не поддержал. С тем и разошлись. Но дело тут не в трусости, просто пришло время. А в голове у меня тогда мелькнуло: “Зато будет хорошо моему народу”. Эта власть всем уже надоела, да и потом сама идея коммунизма была изрядно потрепана и извращена. А идея была хорошей. Что до интеллигенции, то сейчас... Да, разрешили говорить, что хочешь. Я иногда думаю, что это даже вредно... Ты только отметь, что произнося это слово я улыбался... Неинтересно стало: говори, пожалуйста, никто не запрещает, Ну и что с того? Когда я свои романы писал, я чувствовал себя героем. Азарт был. Все мои пьесы снимали со сцены на третий раз после премьеры. А теперь...

— Без цензуры скучно? Неужели обязательно нужен надсмотрщик, чтобы получилось талантливое произведение?

— В основном, да. Надсмотрщик нужен. В униформе Совести! И не только в литературе. В обычной жизни появление ложных лидеров и ложных идей обусловлено отсутствием серьезной конкуренции. Когда нет серьезного соперничества - нет стимула для появления истинных вещей. Мы говорим об эпохе безвременья. Наш великий поэт Дулат Бабатай-улы говорил, что когда на море сильный шторм, то со дна на поверхность поднимается всякий мусор.

— В человеческих умах хаос, люди потянулись в мечети и церкви.

— Это естественно. Когда долго запрещают, появляется жажда. Бог нас не покидал, он просто был глубоко в наших душах. Ислам вообще самая демократичная религия! Она вернее, не вмещается в понятие “религия” не так жестко требует исправлений всех канонических ритуалов и заповедей. Тем паче, что кочевников трудно заставить читать намаз по пять раз в сутки или собираться еженедельно в мечетях. Поэтому казахи научились жить с богом в сердце. Еще раз повторяю, ислам не вмещается в понятие религии — это, скорее всего, состояние души. Если человек чувствует себя свободным, то он прежде всего честный и чистый человек. Нам запрещали не только Бога, нам запрещали знать свою историю. Как результат — произошло много искажений. Возьмем то же разделение на жузы и роды. Это — великое благо для народа, несшее большой объединительный смысл и сохранявшее чистоту крови. Это был способ сохранения близкого родства.

У меня в жизни произошел такой случай. Как-то я оказался в Улытауском районе Жезказганской области на каком-то празднике. Той был в разгаре. И вот хозяин праздника вдруг узнает, что я из Старшего жуза. Тут же он созвал всех своих сыновей. Вот, говорит, в нашем доме представитель Улы жуза, немедленно сворачивайте столы, стелите заново дастарханы, режьте других баранов и вообще байгу сначала запускайте... Я был потрясен.

Трайбализм в негативном свете применяли спекулянты от национальной идеи. И я тебе скажу: любая великая идея заканчивается мелко.

— Но согласитесь, Аким-ага, что у нас иной раз проявляется еще феодальное сознание в подражающей Западу стране. Примеров много.

— Соглашусь. Я знаю магазин, который называется “Абай”. Там круглосуточно продается

водка, вино и сигареты. Может быть, я говорю о частностях, но все это элементы общей культуры. Как и язык, впрочем. Все исследователи тюркской истории признавали, что казахский язык — самый гибкий и самый богатый из всех тюркских языков. В его арсенале свыше 500 тыс. слов. В то время, когда стонут о том, что якобы наша культура гибнет, язык исчезает, мне хочется ответить, что все это ерунда. Другое дело, что он подвергается поверхностному влиянию извне, и мы тому плохо сопротивляемся. Казахский язык сильно засорен. Впрочем, все это болезни временные. Этим тоже надо переболеть. И вообще нам надо заново изучать свою историю, свои корни. Не формально, а по-настоящему. И исследовать ее должны не кандидаты и доктора наук, которые защищались на темах типа “Исторические предпосылки появления тяпок в Семиречье”. Нам нужен новый настоящий институт истории. Может быть, из-за слабого знания собственной исторической биографии у нас, у казахов, очень слабо развито национальное чувство. Я часто бывал за рубежом и заметил: там проживает около 6 млн казахов. Почти все они очень дорожат своей национальной принадлежностью, национальным достоинством, мировосприятием. Здесь у нас такого нет. К сожалению.

— Бытует такая точка зрения: когда нечем хвастаться в настоящем, зовут на помощь историю. И начинается: вот наши предки... А что же мы сами? Неужели и в самом деле нечем?

— Сам этот тезис неточный. Только осознав величие своего прошлого, народ чувствует себя РАВНЫМ среди других. Наши узколобые “ученые” копаются в “близких” веках, тогда как наша история сочнее и ярче во всех веках. Вспомним Ак-Назара, имевшего миллионную армию. Или —

Касым хана, Есим хана, или – просвещенного монарха Тауке, автора обновленной Конституции Степи.

– Давай так, Ермек. Я предлагаю, все же, нашу беседу “округлить” нетрадиционно. Дай мне возможность объяснить читателям новое словосочетание “униформа Совести”.

Человек не рождается подлецом. Он им становится. Годами. Приведу один пример. Я, сам не ведая, способствовал резкому возвышению одного чиновника. Он стал первым руководителем крупной области. Затем – акимом той же территории. Однажды мне пришлось позвонить ему по телефону. Он очень обрадовался. Поблагодарил за содействие... И в радостном состоянии начал “докладывать” что скоро собирается отправить в Германию энтузиастов с великой миссией отснять копии чертежей двух архитектурных шедевров, которыми гордится весь казахстанский народ. Он назвал не то Дрезден, не то Мюнхен. Прошли месяцы. Потом – годы. Мы встречались не так редко. Каждый раз, при встрече я намеревался задать ему вопрос судьбе тех уникальных чертежей, по которым можно было бы восстановить разрушающиеся строения. Разрушающиеся великие строения. Но не удавалось. Потом мы стали встречаться реже и реже. До меня все чаще доходили слухи, вернее, не слухи, а факты, как “мой” аким окунулся в “спортивную игру, которую казахи называют просто, но гениально, “ДОДА!””. Борьба за шкуру... козла. (В древности географические карты рисовали на тонких козлиных шкурах). С тех пор прошли 13 лет. Встретившись с моим героем как-то в Астане я чуть было не спросил о результатах того романтического порыва тогда еще молодого акима. Но по глазам

понял, что как только я произнесу слова Дрезден или Мюнхен он мне ответит на вопрос вопросом:

— А кто же такой Дрезден (или Мюнхен)? Такого компаньона у меня нет!

Это я к чему? Когда я слово Совесть загнал в соседство со словом “униформа”, я имел в виду, что Совесть как таковая дремлет в душе каждого порядочного человека. Именно — порядочного. И это священное слово обязательно и постоянно надо держать, сохранять в униформе. Крепкой униформе. А то... дети, там, жена, там, родственники, там... Быстро оголишься.

— А у нас нет униформы для чиновников. Униформа Совести.

— А жаль... Теперь, Ермек, можешь благодарить за беседу...

Пожалуйста.

Да, нам не давали возможности гордиться своим прошлым. Сейчас мы имеем полное право гордиться своей тюркской историей. Великий русский ученый Никита Бичурин писал, основываясь на древних китайских документах, что Великий тюркский каганат создавали дулаты, то есть казахи.

Я уверен, что у народа с таким богатейшим прошлым обязательно будет большое будущее. Просто не нужно ставить лошадь впереди телеги. Всеу свое время. Надо торопиться не спеша.

— Спасибо за оптимистические прогнозы. Может быть, они снова у вас сбудутся...

Я ВСЕГДА НА СТОРОНЕ ПРАВДЫ

Интервью с зам.редактора Жамбылской областной газеты "Знамя труда" Амантаем Айзахметовым

— Аким Уртаевич, этот 2003 год по решению ЮНЕСКО объявлен Годом Махамбета Утемисова и, может, поэтому обусловлено появление Вашей новеллы "Тиара", которая, кстати, впервые по республике была опубликована именно на страницах нашей газеты. Может, толчком к написанию новелл о Махамбете Вас подтолкнула и эта дата, и то, что Вы являетесь членом Национальной комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО?

— Рано или поздно я бы написал эти новеллы о Махамбете. Может быть, и независимо от этой даты. Думаю: я это сделал бы всеравно! И вообще, по моему глубокому убеждению, в казахской поэзии нет другой фигуры, которая бы достигла таких вершин, которых достиг Махамбет. Я имею в виду — боевой поэзии. Махамбет недосыгаем в этом смысле. Обычно слово "поэзия" в сознании читателей связывается с лирикой, с любовью, с цветами, с весной, с картинами природы. Но когда люди вспоминают о войнах, тут часто читателю кажется, что слово "война" и слово "поэзия" исключают друг друга. Но Махамбет силой своего таланта, силой, я бы сказал, своего гнева достиг такого уровня, что опозтизировал поступок человека, связанный с насилием, которое мы ассоциируем со словом "война". Но это война, которая вызвана

волей истории, как сопротивление гнету. Высокая поэзия, призывающая к борьбе, — это редкое явление в мировой поэзии вообще. Такое я встречал в стихах Байрона, у Доспанбета. Читая Махамбета, любой читатель почувствует в себе такой прилив сил, что готов подняться на борьбу за свободу своего народа.

— Но ведь Махамбет не только певец борьбы за свободу, он один из предводителей народного восстания, соратник Исатая Тайманова. Другими словами, он и батыр, положивший свою жизнь на алтарь этой борьбы.

— Если бы Махамбет не был участником восстания 1836-1837 годов он, может быть, оказался бы обычным жырау, потому что поэзия его — народная. Но, как говорил Стендаль, “Судьба даже и среднего писателя делает великим”. Да, Махамбет был бы одним из выдающихся жырау казахской поэзии и такой большой высоты он бы не достиг. Это ему судьба подарила эту его биографию, это его творчество. Ведь любая трагическая судьба дается творческому человеку — как подарок свыше. Многие писатели и поэты остаются писцами цветов, сердечных излияний не потому, что у них таланта меньше, а потому, что судьба у них такая же, как у многих.

— Тут вспоминается, как Гамзат Цадаса говорил своему другу Абу-талибу, что он желает своему сыну Расулу если любви, то несчастной и это ради того, чтобы он мог стать настоящим поэтом.

— Да, но несчастье сам себе поэт придумывать не должен. У Расула Гамзатова была прекрасная жена, красавица Фатима. Махамбет — это необычное явление в казахской поэзии. Когда читаешь эти его гневные стихи, в буквальном смысле извергающиеся как вулкан, то начинаешь чувствовать, что созданы они очень тонко. Эта

тонкая, так сказать, лирика взывает сесть на коня, взяться за оружие. Это звучит и как плакатный призыв к борьбе против несправедливости и одновременно — это чистая поэзия.

— Аким Уртаевич, в беседе с корреспондентом о новелле “Таира” Вы сказали, что это первый шаг к задуманному Вами циклу новелл о Махамбете. Скажите; на какой стадии находится задуманный Вами план по написанию цикла?

— Я сейчас работаю над новеллой, которая называется “Хан мен Кан”. Это по-казахски вполне созвучные слова. Одно слово “хан” означает — “правитель”, другое — “кан” означает — “кровь”. Если вы помните первую новеллу, то там Махамбет — это тонкий, высокоинтеллектуальный человек, который вдруг засомневался в справедливости своего хана и его жены — ханши Фатимы, когда хан спокойно выкинул наследника в угоду другому наследнику от любимой жены. И это делается не грубо с их стороны, но Махамбет — это поэт, и его сердце не выдерживает такой, мягко говоря, подлости. Новелла моя об этой подлости, эгоизме. Прежде всего об эгоизме матери в отношении другого такого же ребенка, как ее сын. Вторая новелла о том, что уже проливается кровь. Люди, которые только вчера чувствовали себя родственниками, которые были из одного рода и племени, вдруг в одночасье стали врагами. Сейчас в истории Казахстана по этому поводу имеются разные мнения. Кто-то становится на сторону хана, кто-то на сторону поэта. Я считаю, что обе стороны не правы. Писатель или художник, или поэт не должен, в данном случае, становиться ни на сторону хана Жангира, ни на сторону Махамбета. Я думаю, что в художественной литературе уместен анализ каждой из этих душ, но без нарушения исторической правды...

— Простите, а как же быть с вымыслом? Разве автор не имеет на это права?

— Когда ты пишешь на историческую тему, вымысел должен быть очень деликатным. Вымысел не должен становиться в угоду чьих-то интересов. Он должен вытекать из реальности того времени. А когда, чтоб угодить той или иной группировке, начинают кривляться, это неправильно. Я это не приемлю. Так что в своей второй и, особенно в третьей новелле, я все равно останусь на стороне правды. Конечно, я люблю Махамбета больше, чем кого-либо из участников этой трагедии. Я понимаю, что хан Жангир построил школу, что сам он был ученым человеком, что в эту глухую степь он точно впустил луч света. Но он продолжатель ханской власти, он укрепил Внутреннюю Орду. Мы не должны забывать, что Внутренняя Орда не была самостоятельным государством. Это не было ханством в полном смысле этого слова. Его Внутренняя Орда служила России и, в сущности, являлась одной из ее областей. Притом это была такая ее область, над которой довлело недоверие власти к народу больше, чем в Метрополии. Только вчера Казахское ханство было на этом месте, а теперь указом царя отделили европейский кусок этой казахской земли. Трагедия хана Жангира была в том, что он хотел сочетать несочетаемое. То есть, сохранить свободу Казахского ханства, свою собственную свободу и в то же время угодить царю. Поэтому его смерть была самой трагической страницей истории восстания. Махамбету все было ясно: он сражался на стороне народа, воспевал народную борьбу. Жангиру было очень трудно. Он тоже по-своему любил свой народ. Когда я познакомился с его биографией, меня это поразило. Уже к концу своей деятельности он сознательно шел на моральное самоуничтожение. В то время

многие российские чиновники были убеждены, что его убили. Об этом сохранились письма, написанные генералами, что, мол, киргизы считают, что их хана убили. Но чтобы дойти до истины, мне надо было бы стать историком, пожертвовать ради этого несколькими годами своей жизни. Но, к сожалению, у меня такой возможности нет. Во-вторых, я не историк. Жангир мне симпатичен движением души своей. Я понимаю его трагедию, я понимаю его мучения. В последний год перед смертью он начал искать документы, подписанные царем Павлом, где он говорил, что присоединяет киргизскую степь, чтобы дать свободу ее народу и что этот народ волен в любое время отторгнуться от России. Но этот документ был куда-то спрятан. Хан Жангир всюду искал его. Естественно, царские чиновники заподозрили его намерение отойти от России. Тем более, именно в это время к востоку от реки Яик уже бушевало большое восстание под предводительством Кенесары Касымова. Дело, видимо, шло к объединению двух этих восстаний. Нельзя забывать, что тогда начиналось и восстание в Дагестане. Поэтому царские чиновники почувствовали большую опасность. Когда остатки сил Исатая и Махамбета перешли на восточный берег реки Яик, то все бии и султаны Малой Орды были предупреждены: не принимать их. Восстание Исатая и Махамбета угаšlo по причине того, если сказать современным языком, что оно вспыхнуло в печи, у которой не было трубы. А у Кенесары-хана была более широкая территория, больший простор для действий, большие возможности. Потому его восстание длилось десять лет. Притом с большими потерями для царской армии...

— Как Вы думаете; убийство Махамбета — это дело рук хана Жангира?

— Нет, к этому времени хана Жангира в живых уже не было. После Жангира, института ханского правления как такового уже не было, а был Совет по управлению Внутренней Ордой, состоящий из биев и султанов. Говорят, что это Баймагамбет-султан заказал убийство Махамбета. В своей третьей новелле под названием “Тоска”, не в обиду историкам, я передвинул дату гибели смерти Жангира на два года.

— Как насчет исторической правды, о которой Вы только что говорили? Ведь когда-нибудь найдется кто-нибудь, который докажет, что даты смерти Махамбета и хана Жангира, указанные Вами в Вашей новелле, не соответствуют истине.

— Но я заранее предупрежу читателей об этом. Это: мне было нужно, знаете, почему? Потому что у поэта Махамбета и у хана Жангира было созвучие душ. Как у Лермонтова, помните: “И звезда с звездой говорит”. В моей новелле, когда Махамбета убили, хан Жангир затосковал о таком большом человеке, о такой большой личности, достойной, чтобы бороться. Хотя исторически таким человеком вместо хана Жангира был султан Баймагамбет. Когда ему принесли голову Махамбета, он, говорят, выскочил, схватил камчу и стал отчаянно хлестать исполнителей своего приказа и заплакал со словами: “Кто заменит мне теперь Махамбета?!”

— А зачем же он тогда отдал такой приказ?

— В том-то и дело: зачем? Это очень сложно. И разобраться в этом сейчас не так-то просто. Кто знает, может, приказ этот исходил не столько от султана Баймагамбета, сколько от царских чиновников, которым он тогда был подвластен.

— Аким Уртаевич, а что Вы можете сказать о дальнейшей судьбе наследника ханского престола -Зулкарная?

– Как личность он исчез. В исторических источниках о нем почти ничего нет. Помните, наверное, в моей новелле “Тиара” говорится, как его морально убили.

– Но, на мой взгляд, такой человек как Зулкарнай, тем более воспитанный Махамбетом, не должен был так просто и так легко сойти с исторической арены. Ведь в нем должен же был быть дух мятежного батыра Махамбета. Дух, покорить который невозможно.

– Не все зависит от воспитателя. Видите, летописцы того времени интересовались судьбой Зулкарная постольку – поскольку. Когда хан Жангир умер, мачеха Зулкарная тоже очень трагично умерла. Она была красивая, властная, но при ней, при живой красавице, хан женился на простой казашке. Еще более красивой, и еще более молодой...

– Вы говорите о красавице Фатиме, но она же была дочерью муфтия Оренбургской губернии?

– Да нет, я говорю о другой его мачехе. Ведь хан женился на другой. Другими словами, Фатиму постигла участь матери Зулкарная, и она не смогла перенести этого. Если помните, в моей новелле “Тиара” с каким высокомерием на своей свадьбе Фатима прошла мимо матери Зулкарная, сделав вид, что не заметила ее. А потом новая молодая красавица также высокомерно посмотрит уже на нее. В своих повеллях я осуждаю эгоизм людей, близких к власти...

– А не говорит ли это о том, что хан Жангир заботился больше о своем личном удовольствии, чем о делах государственных?

– Что тут скрывать. Он был одним из богатейших людей России того времени. Его вклады хранились во многих банках России. Дележ потом

долго шел. Затем таинственно стали исчезать его наследники. Исчезали внезапно. Необъяснимо.

— Это, наверное, можно объяснить как борьбу наследников между собой?

— Нет. В традиции казахов такого нет. Просто богатство, которое осталось после Жангира, толкало людей на всякие ухищрения, и даже банкиров того времени, и центральную власть.

— Когда Вы думаете завершить Ваши новеллы о Махамбете Утемисове?

— Как только моя часть работы по съемкам художественного фильма “Мустафа Шокай” завершится, я намерен приняться за новеллы о Махамбете. Это, по моим расчетам, произойдет где-то в середине лета. Если все будет нормально и Создатель позволит... .

ПИСАТЕЛЬ – ОППОНЕНТ ЛЮБОЙ ВЛАСТИ...

*Диалог писателя и критика: Аким Тарази –
Виктор Бадиков.*

В.Б. – Дорогой Аким! Вот я с чего хотел бы начать наш сегодняшний разговор. Все долго думал, чтобы был какой-то повод, значимый в общественном, литературном смысле и т.д. Я не раз от тебя слышал, и не только от тебя, что ты писатель, который не стремится быть на виду, который следует заповеди Б.Пастернака “Быть знаменитым некрасиво, но это поднимает ввысь”. Я все время об этом думаю, когда читаю твои книги, разговариваю с тобой по телефону. Так вот, вопреки этой твоей установке, твоей позиции художника и гражданина, имя твое все-таки широко известно в Казахстане, тебя знают, тебя читают, на премии выдвигают, прежде всего потому, что ты настоящий художник и гражданин Казахстана, которому не нужен дешевый успех. В связи с этим объясни мне, пожалуйста, – такая позиция не мешает тебе устанавливать очень важный для художника контакт со своим временем и читателем? Что ты думаешь об этом? Ведь помимо классической принципиальности такой позиции, которую я разделяю, дело еще и в том, что современный писатель все равно не останется в тени, как бы ни старался.

А.Т. – Ты говоришь – не мешает ли? Наоборот. Мне это мое стремление удержаться в тени

помогает. У меня, например, есть возможности ездить на очень приличном транспорте, но я предпочитаю трамвай. Этого требует мое естество. Даже в своих молодых мечтах, залетая высоко, да и в своей работе, я всегда мечтал, достигая каких-то высот, никогда не забывал о милых моему сердцу задворках и нередко туда уходил.

В.Б. — Задворки — это интересно.

А.Т. — Задворки жизни, даже в мечте. Это очень редко бывает. Человек мечтает о каких-то роскошных условиях, а у меня наоборот: даже в мечте достигая каких-то высот, я потом тихо, тихо ухожу. Вот с женой моей Розой мы как-то зимой шли по не очень, скажем, главным улицам Алматы. Я показал ей такой маленький полуподвальный домик, с окнами прямо из-под земли. И говорю: “Мечтаю жить вот в таком доме”. “Я не поняла”, — возмутилась Роза. И только через год она поняла меня и написала рассказ “Ты”, посвященный мне. Она душу мою поняла. Наверно, это что-то врожденное. Я не рисуюсь. В первые годы суверенитета я три года жил в первом микрорайоне, в заброшенном доме. И нисколько не унывал. Может, это был для меня самый веселый период моей биографии.

В.Б. — Но есть здесь, Аким, и еще одна сторона дела. Ты, по-моему, преподавал, работал учителем, преподавал и как писатель тоже делился своими мыслями с читательской аудиторией. Этот опыт как-то сказывается в твоём писательском призвании, в творчестве? Здесь необходим какой-то контакт, а учитель всегда находится на виду, на передней линии. Я сам преподаватель, и мне хорошо знакомо то нервное напряжение, когда нужно идти к людям и не обмануть их.

А.Т. — Преподавателем я стал очень поздно — в 1994 году. Всего два года я преподавал в аульной

школе русский язык, и это, естественно, помогало мне создавать свою биографию, строить свою жизнь. Это было после КазПИ. Но в поисках и выработке стиля этот опыт мне не помог, потому что я в те годы еще ничего не писал, только мечтал об этом. Я пришел в литературу поздно, в 33 года. Но два года моего учительствования в ауле стали не только частью моей биографии, но и во многих моих вещах легли в основу биографий героев.

В.Б. — Итак, твой писательский опыт, твой художественный мир особым образом связан с твоей судьбой, хотя, конечно, ты не занимаешься личными воспоминаниями. В таком случае, пожалуйста, расскажи о самом главном — о твоих вещах, маленьких романах, которые еще не переведены на русский язык, но уже выдвинуты на госпремию. Я знаю — ты ими гордишься прежде всего как художник. Значит в тебе уживаются два Акима. Не испытываешь ли ты “раздвоения личности”?

А.Т. — Это очень хороший вопрос — о двух Акимах... Я, как говорят, человек из костей и мяса. Вообще-то добрый, покладистый человек. Я умею прощать своим недругам, но Аллах создал меня так, что есть во мне какое-то свойство жесткости, может быть, даже жестокости — способность идти вразрез с общественным мнением. И тогда уже второй Аким не шадит первого.

В.Б. — Каким же образом это происходит?

А.Т. — Каким? А вот послушай. На соискание госпремии выдвинуты два моих романа, каждый всего по 4 печатных листа: “Жаза” (“Возмездие”) и “Москва—Баласаз” (Баласаз — это название маленького аула). С первым романом была такая история. Однажды я прочитал маленькую заметку в газете “Лениншіл жас” (это было в 1976 г.) о том, как один чабан Н. из-под Алматы убил своих детей.

Конечно, автор заметки проклял этого человека за его звериный поступок. Заметка кончалась так: "Как может советский человек докатиться до подобных вещей, куда смотрели комсомольская и партийная организации?" Прочитав эту заметку, я подумал: если бы я написал об этом человеке художественное произведение и оправдал его, вот тогда бы я почувствовал себя настоящим писателем. Так я подумал и скоро об этой заметке забыл.

Почти через год мне пришлось побывать в этом районе, все вспомнилось, я попросил секретаря райкома рассказать о том страшном случае. Он как-то странно посмотрел на меня: "Зачем, Аким-ага, Вам эта грязная история? Лучше забыть о ней". И я с сожалением понял, что он мне ничего не расскажет. Жаль было, конечно, но через полгода судьба снова привела меня в этот район вместе с зарубежной делегацией. Я же обратился теперь к парторгу. Тот оказался более покладистым, но как-то неохотно поведал о том, что чабан тот воевал в Афганистане, и этим все сказано. Афганец так афганец, но во мне сразу закипела внутренняя работа и встал большой вопрос: "Как же это могло случиться?" И тогда я создал в своей душе, так сказать, на экране своего сознания, образ того человека, образы его жены, детей. Потом мне еще рассказали, что, оказывается, дети и жена его почувствовали, что он собирается сделать и хотели бежать в районный центр. Но получилось так, что дети выпрыгнули из автобуса и побежали обратно домой, а за ними и мать. И свершилась трагедия.

Примерно полгода я создавал образ этого человека, он стал мне родным, постепенно приобрел облик человека интеллигентного, очень доброго. У него прекрасная жена и дети. Постепенно, погружаясь, так сказать, в материал, я стал менять свое отношение к своему герою. Его

поступок уже не казался мне диким. Анализируя, мучаясь полгода, я открывал для себя, что он не виноват. У меня даже созрело что-то вроде теории, что человек — такое же явление, как земля, имеющая тонкий плодородный слой, всего несколько сантиметров. Если человек по глупости своей уничтожит этот слой, то сам превратится в пустыню.

Мой герой, находясь на Афганской “освободительной” войне, выполняя свой интернациональный долг, естественно, потерял тот тонкий культурный слой, который отличает человека от дикого животного, и его поступок стал мне казаться чем-то иным — не затмением рассудка или варварством. Это был уже не его поступок, а общества, которое взрастило его таким, каким он стал. Если его чувством движет долг, то значит он хочет спасти своих детей от этого мрачного жестокого мира. Я понял, что дети его заболели той же болезнью, с которой он вернулся из Афгана. И так как он уже окончательно убедился в том, что и дети его больны его болезнью, он решил их избавить от нее.

Вообще лишить человека жизни имеет право только сам Создатель, но не человек. Однако общество присвоило себе высшее право помилования, право отпущения грехов, т.е. освобождения человека от мучений. А это, конечно, прерогатива Создателя. И мой герой, “освободив”, в кавычках, своих детей от мук земных, превратился в грешника. Но грех его — это наказание для самого общества, искалечившего человека. Журнальная публикация этого романа в “Жулдызе” стала для меня читательской проверкой. Не озлобит ли она моих читателей? Нет, они восприняли мой маленький роман так, как будто я заступник и спасатель моего героя. Впрочем многие мои

читатели стали на его сторону, что было очень странно. Но это было именно то, чего я добивался, когда писал. Сюжет очень густой, объем всего 4 печатных листа, примерно 100 страниц на машинке.

В эпилоге я тоже, по-моему, чего-то добился. Этот высокий поэтический эпилог как награда мне, хотя в нем речь идет о самоубийстве моего Або (Абралы). Я сделал его одновременно и японцем и казахом. Город, где происходит действие, одновременно называется по-японски "Кёгёси", а по-казахски Кегень. Опоэтизивовав эту историю, я убедился в своей правоте. Этот высокоинтеллектуальный, поэтический в душе человек не мог убить своих детей, потому что их убило общество, а он только исполнил волю общества, волю системы.

В.Б. — В данном случае один человек.

А.Т. — Да, один маленький, самый обыкновенный человек.

В.Б. — Трудный, может быть, даже нетипичный сюжет, вызывающий противоречивые чувства — впечатление нашего бессилия: отец убивает своих детей, причем с очень высокой целью. Как-то сразу и в голове не укладывается. Да в своем ли он уме?

Хотя сразу на память приходит "Преступление и наказание" Достоевского. Здесь тоже высокая мотивировка двойного убийства, правда, несколько эгоцентричная, наполеоновская. Она прежде всего говорит о каком-то социальном зле и несовершенстве, с которыми надо бороться.

А твой, Аким, сюжет случайно не соприкасался с сюжетом Достоевского, хотя там человек все-таки раскаялся в своем поступке? Раскольников понял, что ошибся, а твой герой напротив — только лишний раз утвердился в своей правоте. Как автор ты же оправдываешь его, в отличие от Достоевского?

А.Т. — В отличие от Раскольникова мой герой в самом начале был уже раскаявшимся, потому что он получился “там”. Слово “там” я беру в кавычки, он вернулся из ада, чтобы увести своих детей, может быть, в рай. Я несколько раз пытался читать “Преступление и наказание” Достоевского, но это мне как-то не удавалось, и в 1975 году, кажется, когда мне было уже 42 года, я все же пересилил себя и до конца прочитал этот роман. Какая-то, видимо, сходная идея отложилась в моей душе. Ведь не случайно та газетная заметка так поразила меня, что я сказал себе: если я оправдаю этого человека — я писатель. Может, это оттуда, из 75 года, так или иначе от Достоевского?

Понимаешь, как все это трудно объяснить.

В.Б. — Да, нелегкую задачу ты поставил перед собой как художник.

А.Т. — Кстати, роман Достоевского “Преступление и наказание” очень близок казахскому духу: Раскольников возрождается за счет своего раскаяния. И когда говорит о том, что человечество когда-нибудь придет к своему светлому будущему, указывает на берег реки, где стоят белые юрты. Там живут, говорит он, чистые люди, имея в виду казахов, их родную безбрежную степь.

В.Б. — Правда?

А.Т. — Я вообще удивляюсь, что исследователи этого романа не обратили внимания на казахские символические образы. В связи с этим я подумал, что подражание Хемингуэю всегда как-то унижает подражателя, а вот подражание Толстому или Достоевскому напротив, это можно сравнить с чтением священного писания. Вот у тебя — Библия, а у меня — Коран. И, зная заранее весь сюжет, мы все равно духовно возвышаемся.

В.Б. — Безусловно.

А.Т. — Хорошо, что ты напомнил о Достоевском, хотя меня эта аналогия или ассоциация особенно не беспокоит.

В.Б. — Почему произведение такого малого объема, с немногочисленными героями и событиями, ты все-таки называешь романом?

А.Т. — Называю как раз романом по густоте событий. Можно было и растянуть, но я опозитизировал каждый эпизод и достиг, считаю, романной энергетики. Это мне нелегко далось, но обе вещи несут в себе груз, достойный романа, поэтому я и назвал их романами.

В.Б. — Это, конечно, очень важно — авторское чувство жанра. А как оно сказалось на втором твоём романе “Москва—Баласаз”?

А.Т. — Ну, про Москву ты знаешь, а Баласаз — это маленький аул в предгорьях Джунгарского Алатау. Там происходит действие. Два главных героя: Абралы — подонок, который себя считает умным, и Рауз — сумасшедший, как опрометчиво считают люди, но сам себя он умным не считает. Рауз — бывший полковник КГБ — мечтает о том, что наступит время, когда из Москвы в Баласаз будут летать рейсовые самолеты.

В.Б. — В родной аул, да?

А.Т. — Да, тем более, что рядом прекрасное ровное поле. Ему даже кажется, что эта площадка — дело рук инопланетян.

Абралы очень хотел стать большим начальником. Для этого он становится сначала директором школы, но скоро понимает, что это не его дело, и потому призывает на помощь Рауза, просит физически наказать (избить) сначала учеников, потом строптивного учителя. Рауз так этим увлекается, что нечаянно убивает учителя. А в это время Абралы занят созданием музея генсека ЦК КПСС К.У.Черненко, который служил в этих

местах в пограничных войсках. Музей становится началом желанной карьеры Абралы. В конце концов его, как ценного работника, забирают в обком партии. Рауз, убив учителя, входит во вкус, в нем просыпается профессиональный палач НКВД, где он долго служил: он убивает жену Абралы и начинает охотиться за ним самим, потому что считает, что к власти приходят только при помощи силы. Теперь Абралы сам должен стать жертвой этой грубой силы. Я сначала собирался его “убить”, но потом “оставил жить” в надежде, что буду продолжать, т.е. писать следующий роман. Я совсем не думал, что советская власть падет так быстро и партия сама собой “закроется”. Так я потерял возможность продолжить эту историю. Она уже стала для меня неинтересной. Думаю, наше общество вышло на правильный путь, “тот” путь. Но, я глубоко убежден – мы находились на грани колоссальной катастрофы, двигались от социализма к фашизму, я не боюсь об этом говорить. Мы двигались к этому финалу семимильными шагами, но история нас спасла, т.е. распорядилась по воле Божьего промысла. Спас нас Создатель, а не последний говорливый генсек Горбачев.

В.Б. – Аким, в твоём представлении эти два романа как-то взаимодействуют друг с другом или стоят обособленно?

А.Т. – Они стоят обособленно, но я должен сказать, что все мои вещи являются продолжением одна другой. Источник у них один – наша действительность, но ты сам понимаешь в какое время мы жили. В то время я брал эти куски и разбрасывал по разным моим книгам. Даже в пьесах я “прятал” истории моих героев, брал их кусками. Читатель когда-нибудь найдет их всех в одном месте.

В.Б. — А кочующий герой — это что? Способ какой-то маскировки или же особенность твоего воображения?

А.Т. — Я это делал неосознанно, но, видимо, подсказывало мне это мое нутро, природная осторожность.

В.Б. — В моем представлении, Аким, ты писатель склонный к рефлексии, медитации, глубоким размышлениям о современности и о прошлом. Ты же сам сказал, что твои герои — это как бы одна династия. Тут возникает ассоциация с Фолкнером. Эта “разбросанность” она, наверное, способствует тому, что в сознании читателя возникает художественная страна Акима Тарази, где живут свои люди со своими привычками и судьбами? Фолкнер это называет “Штат Йокнапатофа”. Для читателя сразу ясно, что это просто условное название символической художественной страны. А у Тарази как называется эта художественная страна, если она действительно есть?

А.Т. — Дело, наверно, не в названии, а в том, что читатели действительно относятся к моим книгам очень непосредственно, как к чему-то живому. Ты даже открыл мне меня самого в этом плане. Один читатель как-то мне признался: когда я читаю Вас, хочется выбежать из дома и убить Вас, потому что у меня к вечеру ум за разум заходит.

В.Б. — Будь все-таки осторожнее, Аким. Художественное слово действует очень сильно. Но мы, начинали разговор с того, что ты не стремишься себя рекламировать, выходить на первый план. В связи с этим — какова, по-твоему, роль писателя в нашем обществе, в современном Казахстане, может быть, и за его пределами? Каково самоощущение художника в наше время? Советское время было понятным, там было давление идеологии, там все стояло на своих местах, сейчас труднее стало

ориентироваться в том обществе, которое у нас возникает. А ты как считаешь?

А.Т. — Очень интересный вопрос. Мне кажется, что каким бы ни было общество — свободным, демократическим, тоталитарным — оно сознательно или бессознательно старается выдвинуть писателя из “своей массы”, мне даже кажется, чем демократичнее оно, тем больше это общество старается избавиться от писателей. Но писатель уж такой твердый и упругий материал: чем больше трудностей, тем крепче он становится. Свириным было советское общество, но каких писателей мы имели — М.Ауэзов, М.Жумабаев, М.Шолохов, А.Платонов, Ю.Казаков!..

Вообще-то даже доброе и свободное общество не любит и не должно любить писателя. Потому что писатель — это вечный оппонент любой власти. Как бы кто не относился к писателю в самые разные времена и на самых разных уровнях, писатель — это цветок, который растет на асфальте, на камне. Чем больше давление, тем больше вытесняется “вода”. “Вода” — это слезы интеллектуальной части народа.

В.Б. — Хорошо сказал. У нас в Казахстане было немало разговоров о том, что наши писатели потеряли ощущение своей востребованности, особенно в годы перестройки. Кто-то уехал, среди них немало было и казахов, не только писателей, но и деятелей искусства. Эмигрировали в ближнее и дальнее зарубежье, некоторые вернулись. Как тебе кажется, Аким, это явление было в какой-то степени исторически закономерным или же здесь проявилось свойственное писателю чувство быть свободным человеком, то есть жить и работать, так сказать, в “незамкнутом” пространстве? И вообще, как, по-твоему, — писатель имеет право на внутреннюю “тайную свободу”, как писал

Пушкин? Свободу от системы политической и государственной, или его место все-таки должно быть каким-то более или менее определенным? Как в этом смысле складывается твоя писательская судьба?

А.Т. — Я могу сказать тебе так. Вот птица, которая высоко летает, — она свободна, да, но чем хуже свобода рыбы, которая в глубине? Там в глубине воздуха меньше, чем в вышине, но обе они свободны. Поэтому, когда я смотрю на друзей, которые уехали или которые остались здесь, то думаю: все они свободны, но стремятся к одному. Если смотреть с точки зрения космоса, то так называемая высь (небо) это, может быть, уже не высь, а низ, то есть некая глубина... Все куда-то двигаются, и, прежде всего, это естественное стремление что-то искать. Может быть, это зов предков, которые когда-то жили в других местах и чувствовали себя свободными. Еще раз повторяю, свобода птицы, рыбы, кита, черепахи — условна везде.

Большой художник, писатель — нигде не будет свободным. Абсолютно свободным он чувствовать себя не может, иначе потеряет свой талант, как писатель. И если не общество, то хотя бы жена должна давить на него.

В.Б. — Но с женой-то попроще — можно договориться.

А.Т. — О, нет.

В.Б. — Как? У тебя жена талантливый, известный человек. Я слышал, что она и главный оппонент в творчестве.

А.Т. — Соперник!

В.Б. — Даже соперник, известный сценарист, прозаик Роза Муқанова. Кстати, вот вы вместе участвовали в создании фильма "Молитва Лейлы". Если можно, два слова об этом фильме. По-моему,

ты считаешь, что творческое содружество в самом широком смысле есть полезное содружество, ну и в узком тоже, когда писатель работает в одиночку; но у тебя появляется, как в данном случае, соавтор Роза. Что дает такое соавторство? Оно тебя как-то вдохновляет, или же, напротив, у тебя возникает интерес войти в художественный мир другого человека, чтобы эти миры стали взаимодействовать. Здесь конкретным примером может быть "Молитва Лейлы". Мы с женой смотрели фильм и плакали.

А.Т. — Я тоже считаю, что это большое произведение, которое, может, многим пока не по зубам. Многие стоят у подножия и не видят эту высоту. Для этого, конечно, нужно время. В данном случае наше с Розой соавторство можно сравнить с тем, когда человеку, то есть мне, завязывают глаза и пускают в темную комнату. Я барахтаюсь, ищу обеими руками опору и когда вдруг чувствую плечо жены, мне становится легче. Вот так мы, писатели, друг другу очень помогаем, хотя я у Розы совета никогда не прошу как и она у меня. Когда я несколько раз пытался ей советовать (сюжет твой вот так повернуть), она мне, улыбаясь, ответила: вот когда ты будешь писать, ты именно так повернешь свой сюжет. Я понял ее намек и больше не вмешивался в ее дела. Когда она еще совсем молодая была, только окончила университет, я пытался возразить, потом понял, что ее не надо трогать. Но все равно моя рука тянется к ней, я ищу ее плечо, и ее рука незримо тянется к моему плечу. И успокаивается, когда его находит. Это большая помощь.

В.Б. — А вы друг другу читаете свои новые вещи или нет?

А.Т. — Нет, я, например, роман "Жаза" запретил ей читать, она до сих пор этот запрет выполняет,

не читает, потому что это слишком тяжелый для женщины материал. А ее вещи, если она попросит, я читаю.

В.Б. — Она обижается на критику или критики не бывает?

А.Т. — Нет. Я как-то по телевидению говорил, что идеальной семьи не может быть, потому что каждый любит что-то свое. У нас тоже не идеальная семья, например, она любит спать при закрытой форточке, а я — при открытой, дверь на лоджии или на балконе совсем открыта.

В.Б. — Сквозняки любишь?

А.Т. — Да. Не только когда сплю, но и в жизни. Поэтому у нас вот так, она сильно обижается или я сильно обижаюсь, но мы находим все же компромисс, оставляем форточки полуоткрытыми или полузакрытыми и успокаиваемся.

В.Б. — Аким, еще один вопрос. Настоящий художник это человек воображения, который может как угодно далеко уходить в прошлое и будущее. Вот ты, как художник, может быть, даже как человек, ты мечтаешь? Если не секрет, о чем больше всего? Ты писатель и человек, внесший свой вклад в социальное, духовное строительство независимого Казахстана? О чем ты иногда думаешь наедине произвольно, какая у тебя мечта? Я, конечно, не имею в виду государственную премию.

А.Т. — Нет, я честно скажу, что даже и об этом не мечтаю. Если я вдруг ловлю себя на том, что я об этом думаю, что я не о премии, это будет ложь. Но как только начинаю думать о ней, нахожу в себе силы подавить эти мысли, хотя это нелегко. А в мечтах — с появлением моих двух детей — я вижу их уже студентами. Я лет семь жил один, и в мечтах у меня всегда возникали разные сюжеты. А сейчас у меня сюжет развивается один по схеме: дети маленькие, дети взрослые, дети — студенты. Сын

женится. Дочь выходит замуж. И “фильм” кончается. Крути ленту сначала.

В.Б. — Но это мечта отца, а мечта художника?

А.Т. — Ну такой мечты у меня уже нет. Не уже, а вообще никогда не было, потому что я писал импульсивно, никогда заранее не планировал ни одну свою вещь. Зерно падает в мою душу, разбухает, и я вынужден освободиться от этого разбухшего зерна.

Я очень ленивый человек. Пока я сам себя настрою, уходит полмесяца. Сяду, начинаю писать. Но когда войду в колею, пишу быстро и завершаю быстро.

В.Б. — Черновой работы много бывает? Варианты?

А.Т. — Почти не бывает. То, что я написал, я только правлю грамматически.

В.Б. — А как ты относишься к литературной критике? Ты говорил, что не хотел бы стать преподавателем, потому что тебе это мешает и т.д. Сейчас только и слышно, что у нас критики нет, литература есть, а критика — это что-то прикладное, второстепенное. Так вот — нуждается в критике писатель или нет?

А.Т. — Безусловно нуждается. Я очень внимательно в молодые годы изучал Белинского, особенно Писарева, мне он очень нравится. До сих пор Писарев. Я считаю, что русскому писателю в этом смысле больше повезло, потому что у него было больше критиков, известных критиков. Чего стоит только один Шкловский! Можно сказать, меня, как Акима Тарази, первым оценил русский критик Переведенцев в “Литературной газете”, еще в 1970 году. Статья называлась “Книга не для развлечения”. Но на следующий же день в редакцию “Литературной газеты” позвонил один облеченный властью казах и выразил сожаление

по поводу появления этой статьи, настаивая, что к этому парню (то есть ко мне) следует относиться с опаской.

Когда мы были одной страной, я зачитывался критическими статьями. Потом у меня осталась только подписка на “Литературную газету”, но через некоторое время ЛГ стала какой-то стенной газетой. Я перестал на нее подписываться. Правда, в казахскоязычных газетах нет такой критики, которая может подняться до моего уровня. А я себя считаю без ложной скромности **ВЕЛИКИМ ЧИТАТЕЛЕМ.**

В.Б. — Молодец, хорошо сказал.

А.Т. — Какой я писатель — пусть скажут другие, время определит, а как читатель я великий и, когда читаю о тех вещах, о которых узнал из критических статей, я часто думаю, какой же я?

— В.Б. — Отталкиваясь от своей мысли, могу сказать: если ты, как художник, как писатель, себя ощущаешь великим читателем, значит тебе не грозит литературное одиночество, то есть читательское. Ведь писатель прежде всего воспитывает, развивает и воодушевляет читательскую аудиторию. Любовь к литературе, т.е. интерес к духовному самопознанию людей. И в этом, вероятно, его главное гражданское призвание...

КОГДА РАК НА ГОРЕ СВИСТНЕТ ИЛИ ТРИ ИСТОЧНИКА МОЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА

Я вообще очень спокойно отношусь к оппозиции. Считаю: не надо ругать оппозицию, надо дать ей возможность высказаться. Пусть люди узнают: кто есть кто. Иначе вокруг обыкновенного горлопана создается ореол мученика, а народ всегда на стороне обиженных. Оппозиция — это что такое? Это когда человек, группа людей стремятся заменить существующую власть на лучшую. Значит, должны прийти со своей программой. Ради Бога. Пусть доказывают, что они умнее, что они дальновиднее, что они, если мы доверимся, приведут нас к процветанию. В этом смысле, когда я увидел статью “Казахстан и Россия. Быть ли им в новом союзе”, я ее с интересом прочитал. Хотел узнать, кто такой Петр Своик, как он мыслит. И к его чести скажу, два момента из этой статьи мне понравились. Я примерно так же думаю.

Первое, это когда он очень критично высказался об оппозиции, что она очень слабая: сверху не очень умная, снизу не имеет поддержки. Довольно самокритично. И вот еще цитата: “Акт же передачи мнимым или подлинным иностранцам таких сугубо советских производственно-социально-коммунальных комплексов, как Темиртау, Рудный, Аксу, Жезказган, Жанатас, и т. п. аналогичен скрещиванию осла с лошадью. В результате чего

может родиться только мул, который, как известно, к продолжению рода не способен”. Прекрасно сказано, даже, я бы уточнил, художественно. Как писателю мне понравилось это сравнение. Но что меня насторожило, так это стремление автора, выражая свое несогласие, оскорбить. И пусть бы он оскорблял систему, которую он хочет исправить. Это было бы понятно. Но когда он старается оскорбить народ, среди которого живет, за будущее которого он якобы борется, тут меня возмутил его тон.

Я не берусь комментировать то, что он говорит о суверенитете Украины и Беларуси, пусть это остается на его совести — как воспримут его советы и прогнозы украинцы и белорусы, которым некуда идти, как снова “в объятия России”. Но когда он говорит, что “Татарстан, имеющий значительно больше объективных предпосылок, чем Казахстан, к государственной самостоятельности, остался в составе Российской Федерации (при всей остроте отношений Казани и Москвы в 1991—1993 годах) в определяющей степени потому, что Ментимер Шаймиев возглавлял всего лишь обком КПСС, а Нурсултан Назарбаев — республиканскую парторганизацию”, мне хочется возразить. Во-первых, суверенитет нам достался не сверху. Наивно думать, что собрались три славянских лидера и подарили всем свободу. Нет. Уже сгнивший Союз должен был распасться. И декабрь 1986 года был одним из первых ударов по этому Союзу. Я не говорю о сотнях лет борьбы, о десятках наших восстаний, которые все кончались трагически для нашего народа. О том, что государственность казахов была на нынешней территории Казахстана и даже на территории большей, чем она теперь.

Мы, поддаваясь идеологическому нажиму, все время утверждаем, что казахское ханство начинается

с 1456 года. Это не так. Совсем о другом свидетельствуют древние архивы. Знаменательны в этом смысле слова заместителя премьер-министра Китая, который, выступая в Алматы, утверждает, что нашим дипломатическим отношениям 2500 лет самое меньшее. Это не приукрашение и не преувеличение. Все наши исторические архивы сохранились в Китае, большая часть — в Армении и Иране. Вот три источника для нашей исторической науки. Я думаю, есть еще и четвертый — это византийские архивы. В них речь идет о народе, на территории которого то создавались большие империи, то распадались каганаты. Падают гунны — появляются уйсунь, потом караханиды, туркешы... Потом Золотая, Белая и Голубая орды. А как же населяющие эту землю народы? Ведь они за одну ночь не исчезают куда-то, как за одну ночь не вырастает целый народ? Меняется название государства, а народ остается. Читайте Гумилева! Когда ему запрещали писать о нашей истории, он же ухитрялся в сносках давать (в нескольких местах!) такие, например, ориентиры: за две тысячи пятьсот лет одевались эти люди так же, как современные казахи. Или: язык в алтайских древних названиях очень близок современному казахскому. И когда мы говорим о ханствах кирейских, найманских, уйсунских, мы должны помнить, что в названии определялась лишь принадлежность династий правителей, приходивших во главу государства. Их свергали, и название менялось. Не задумываясь, не зная этого, мы начинаем 500-летний отсчет казахского ханства. А это долгая история. Сейчас я ее изучаю и пишу об этом в журнале "Парасат". И рад возможности поделиться с русскоязычными читателями через "Казахстанскую правду". Потому что часто неприятие и ошибочное мнение складываются из

незнания. Г-н Своик здесь не исключение, что он и обнаруживает, говоря, в частности, что Татарстан изначально имеет больше предпосылок для самостоятельности, чем Казахстан. Это во-первых. Во-вторых, отделились не регионы, как он полагает, а те страны, которые имели традиции государственности. Татары их тоже имели, но, находясь внутри России, они не могут отделиться. Наверное, это их трагедия, но сегодня история распорядилась так.

Особенно неудобно мне стало за г-на Своика, когда я прочитал строки, где он говорит, что Казахстан в гораздо большей степени, чем какая-либо иная часть СССР, является именно советским образованием, и ничем более. Ничем более! Ведь нам же, чтобы унижить, всегда говорили, что до Октябрьской революции у нас не было своей истории. Помню статью в “Правде”, подписанную одним нашим казахом, где утверждалось, что казахи восхваляют своих несуществующих предков. Что значит несуществующих? Если есть потомки — должны быть предки. Не с деревьев же мы после Октября спрыгнули. Вот эта фраза г-на Своика идет оттуда, из тех же идеологических установок. Он мыслит имперскими категориями. Также мыслит, например, Солженицын, когда говорит, что этот народ можно отпустить на свободу, тот народ тоже можно, а казахов “надо держать”. Также примерно мыслил Сталин. Солженицын — прекрасный писатель, труженик большой, он боролся всегда со Сталиным и его системой. И меня поражает, когда в конце своей жизни он начинает смыкаться со Сталиным, мыслить, как Сталин. Меня огорчает, когда он старается, как господь Бог, подарить свободу третьим — десятым, но Казахстан видит в роли подбрюшья в своем обустройстве России. Но об этом позже. А здесь я хочу определиться: когда

я говорю об имперском мышлении, я никогда не переношу это на русский народ. Себя как писателя, я считаю прямым учеником великих русских писателей XIX века. И любимый мой учитель — Лермонтов. Мои друзья шутят: ты зерно, упавшее в Казахскую почву от могучего Российского литературного древа XIX века.

Дальше господин Своик развивает имперскую мысль так: "...И тем не менее кочевье как способ производства и образ жизни, повторяясь из века в век, воспроизводило лишь самое себя, не оставляя качественных материальных, культурных и мировоззренческих накоплений". Великие русские исследователи Бартольд, Радлов, Гумилев посвятили целые тома опровержению этого мнения, доказывая, что кочевые народы не только воспроизводили самих себя, но создали новую великую культуру. Кстати, в 1915 году в "Туркестанских ведомостях" были опубликованы целые серии статей на эту тему. О том, что кочевники только разрушители и самый их дух надо уничтожать. Автором их был Голощекин. Тот самый Голощекин, который, вооружившись своей же теорией, в 1932 году попытался уничтожить кочевой народ. И фактически уничтожил половину его. Это был самый большой геноцид XX века по отношению к одному народу, если "не считать позднейший камбоджийский вариант. И к кому же я должен в этом смысле с благодарностью относиться — к г-ну Своику или, скажем, Бартольду и Гумилеву? Или опять же к Голощекину, о котором г-н Своик пишет: "Едва ли не все, чем сейчас располагает Казахстан, — это плод советского строительства. Классический казахский аул — это творение Голощекина". Творение Голощекина? Это в каком же смысле? Две с половиной тысячи лет назад у казахов уже уклад был в основном завершен и

достиг совершенства. Об этом писали китайские поэты. Например, о совершенстве казахской юрты. Да, способ жизни у нас был такой, что мы города строили очень мало, но кочевой уклад был отработан, как совершеннейший механизм. И этот способ жизни он одним махом подарил Голощекину, уничтожившему казахский аул. Целинные села, пишет он, это творение Хрущева, немецкие поселки — Сталина... Как раз те личности, от имен которых содрагается душа казаха, он расписывает как создателей Казахстана.

Понимаете? ГУЛАГ он считает основой Казахстана. “Малые города—предприятия, где сейчас сосредоточена большая часть всего производственного потенциала, родились на пустом месте благодаря индустриализации, ГУЛАГУ, комсомольским путевкам, “химикам” и военно-промышленному комплексу. Большие города — это тоже объекты советские. И население Казахстана в большинстве составляют люди, лишённые иных корней, кроме советских”. Потрясающее открытие! Все, разорявшее Казахстан, умертвлявшее его природу и людей, представлено как сила, сотворившая его. И люди, ни в первом поколении живущие здесь, представлены, как не имеющие своих корней. Не говоря уже об исконных казахах. Вообще до Сталина, до Хрущева нас сотни раз пытались вот так уничтожить. Но, сказано в поэме Жубана Молдагалиева “Я казах”, мы тысячу раз умирали и тысячу раз воскресали. И думаю, что теперь, когда мы обрели свободу, наконец, обрели суверенитет, уверять нас, что наши достижения все в советском прошлом и мы стоим перед катастрофой, бесполезно.

Далее. Я об этом уже в “Казахстанской правде” писал: стало модным предвещать катастрофу на основе того, что казахи делятся на роды. Вот и г-н

Своик пишет о “менталитете, в котором зачатки гражданского сознания подавляются возрождаемым культом силы и родоплеменных традиций”. Повторюсь: то, что казахи делятся на роды и племена, — это благо, подаренное самим. Создателем казахскому народу. Это наши мудрые предки придумали, чтобы казахи не потеряли лицо человеческое, чтобы не смешивалась кровь. Это во-первых. Во-вторых, род надо рассматривать как экономическое объединение, предполагающее общее владение землей. Так мы сохраняли в прошлом свою огромную территорию. Без родов Казахстан давно бы распался. О том, что мы единый народ, говорит наш единый язык. В казахском языке нет “диалектов, нет говоров, мы не “окаем”, не “акаем” и не “якаем”. Иметь такую территорию и иметь единый чистый язык — это феномен. И этот феномен некоторые знатоки нам гадают как основу будущего распада.

С сарказмом, с затаенной радостью сообщает г-н Своик читателям, что “коль скоро Казахстан волей истории оказался на линии формирования нового мирового порядка(!), его опустошающееся ныне пространство неизбежно будет заполняться новым материалом (!). (Заметьте, какая фашиствующая лексика!) И вот он делит Казахстан, как добычу, между Китаем, Узбекистаном и Россией, которая (как обузу!) вскоре должна будет взвалить его, потерпевшего крах, на себя. Но я думаю — ни один культурный, интеллигентный человек так выразиться о своей родине не может. “Все равно Европе в целом и России, как ее новому форпосту, придется проводить где-то границу между ментально своими и принадлежащими к иным мирам народам, между разными экономическими, идеологическими и мировоззренческими системами”. Как это можно понять? Мы радуемся,

что человечество ушло от холодной войны, от тотального размежевания, а г-н Своик вновь толкает мир к этому. Ведь для того, чтобы каждый сосед откусывал от Казахстана, надо, чтобы ни одного казахстанца на этой земле не осталось. Только тогда можно откусывать! Но когда есть народ, когда есть гордость этого народа, разве может кто-нибудь спокойно отхватить свой кусок и обузой взять на себя? Предполагать такое не значит ли стараться поссорить нас с соседями: с Китаем, Россией, Узбекистаном, подозревая в их лице возможного агрессора?

Значит, попадись судьба Казахстана в руки таких оппозиционеров, передел неминуем.

Тут я хочу вспомнить об идее нашего Президента — о Евразийском союзе. Многие это понимают в вульгарном смысле. И это очень нравится тем, кто хотел бы видеть Казахстан как подбрюшье России. Я тоже за союз, но только чтобы в этом союзе на западе была Англия, а на востоке — Япония. Евразийский прекрасный союз! Но когда г-н Своик подбрасывает такую идею для того только, чтобы мягкое “подбрюшье” иметь — это скорее корыстные цели. Шире надо смотреть. У нас не только Китай и Россия, у нас Пакистан, Индия, Иран, Турция — непосредственные соседи. И еще раз повторю: если мы граничим со своими соседями, мы не можем выбирать: этот сосед нам ближе и дороже, а этот будет попроще.

Евразийство — это значит не ссориться с соседями; не видеть в них врагов, а поощрять те моменты, которые сближают народы, сближают людей. Их то господин Своик и не видит. Но это его беда, а не наша. И когда в российских СМИ я читаю явно такие же провокационные нападки, я своим друзьям говорю: мы должны не злиться, а радоваться. Это сближает всех казахстанцев, каза-

хов и русских, всех, кто считает своей родиной Казахстан, кому небезразлично его прошлое и будущее. Конечно, по большому счету мы должны благодарить г-на Своика за то, что он своими оскорбительными высказываниями заставил нас задуматься: с кем живем, в какой стране мы живем. При всей негативности нашего развития сегодня, я уверен, у Казахстана есть будущее!

И здесь я хочу вспомнить такую историю: долго строился Дворец студентов на территории Казгуграда. Построили. Пришел человек. Долго смотрел, к чему бы придраться. Нашел. Говорит: здание наклонено, скоро рухнет, достаточно двух-трех баллов. Об этом есть маленькая статейка в том же номере "Каравана" с фотографией покосившегося дворца, где и статья, г-на Своика. И здесь я вижу одинаковый подход двух разных людей к явлениям действительности. Один запугивает, что здание рухнет, другой науськивает, что Казахстан рухнет. Я бы не хотел сказать, что г-н Своик пишет это в угоду кому-то. Не дай Бог, конечно. Но если это его мнение, то надо бы, конечно, человеку в самом себе разобраться, а потом только учить целый народ.

Завершить я хотел бы двумя цитатами из его же статьи, ничего не прибавляя и не комментируя.

Первая: «Вообще обратной стороной медали объективной патовости социально-экономической и политической ситуации в Казахстане являются повышенные шансы, которые сразу получает субъективная активность отдельной персоналии.»
Вторая: «В условиях политического безрыбья любой крупный рак, сумевший правильно свистнуть, окажется на вершине горы».

Комментарии излишни. Это прекрасный автопортрет.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Есть одна странная загадка: Пушкин в последний год своей жизни подал царю прошение, чтобы его отправили в Китай. Как известно, Пушкин долгие годы был “невъездным”, ни одна из его попыток добиться разрешения выехать на Запад не имела успеха. А тут Китай... Какой имеет смысл поэту ехать в Китай, не зная языка? Он вновь получил отказ, его не отпустили. А я иногда почеловечески задумывался об этом странном моменте в биографии поэта: зачем ему надо было в Китай? И вот недавно узнал, что отец Иакинф несколько раз дарил Александру Сергеевичу книги по истории Центральной (Средней, как тогда говорили) Азии. Видимо, отсюда и интерес.

Естественно, широкий круг читателей “Казахстанской правды” не знает, кто такой отец Иакинф. Впервые эту фамилию встретил я в молодые годы в трудах Чокана Валиханова, который довольно часто ссылается на труды отца Иакинфа. Но лишь учась в Москве, узнал, что отец Иакинф был священником, монахом, около четырнадцати лет работавшим в Пекине в русской православной миссии. Оттуда на 10 или 15 верблюдах он вывез книги по истории Центральной Азии. Часть из них он успел при жизни использовать, выбрав оттуда все интересовавшие его материалы. Так появился

обширный труд “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена”. Книга эта была издана в Санкт-Петербурге в 1851 году, за три года до смерти автора. Мне неизвестны другие посмертные ее издания. Во всяком случае, учась в Москве, я несколько раз пытался найти их и не мог. И вот теперь книгу отца Иакинфа я сегодня держу в руках. Книга наконец попала к тем, кто интересуется историей. Вышли уже I и II том, III находится в производстве. Я не исключаю возможности, что кого-то именно этот труд приобщит к истории. И тому есть немало причин.

Прежде всего я хочу сразу сказать, что после прочтения этой книги понимаешь: и Бартольд, и Радлов, и Гумилев — все они выходцы из “шинели” отца Иакинфа. Здесь нужно сделать необходимую оговорку: в миру его настоящие имя и фамилия **НИКИТА БИЧУРИН**. Великий ученый, к которому, как это часто бывает в жизни, были немилостивы не только власти предрержащие, но и время. Умер он почти забытый и нищий.

Для себя я нашел в этой книге Бичурина объяснения многих загадок истории. Читая Гумилева Льва Николаевича, я часто поражаюсь и был в душе не согласен с тем, что вот он ведет-ведет, скажем, историю гуннов, потом говорит: вот тут кончается история гуннов. Потом так же переходит к истории жужан, потом ухуаньская история, потом история тюрков. И снова он говорит: вот здесь кончается история тюрков. А мы дальше идем к туркутам... Все это, видимо, шло от влияния европейских ученых. А в книге Бичурина я нашел такой поразительный вывод по этому поводу, что не могу не поделиться им с читателями: “В Средней Азии искони господствовала удельная система правления, то есть государство делилось на мелкие владения, которые в свою очередь то сливались, то

снова дробились и преобразовывались в новые государства. Монгольский народ (здесь слова “монгол” и “Монголия” употребляются в разных значениях. Если Монголия – название государства, то монголами называли тогда всех кочевников Великой Степи. (А. Т.) сверх всего получал народное название от государей господствующего Дома. Таким образом, один и тот же народ под Домом хунну назывался хуннами, под Домом дулга – дулыга, тюкуе-дулгассаами, под Домом монгол – монголами. И будет потом носить сие название, пока вновь усилившийся какой-либо Дом покорит его и сообщит ему свое, другое, народное название”.

По Бичурину гунны, уйсунни, саки, скифы, тюрки, ногаи, узбеки, татары, это суть один народ. То есть история народа с обретением другого имени не кончается. Да и не может же так быть, чтобы за одну ночь вымер один народ и на его месте появился другой. Это поразительное признание подкрепляется еще такой мыслью в шестой главе первого тома: “Ориенталисты Западной Европы пренебрегли уверением китайской истории, а обратили внимание на созвучность тюгу с тюрки и приняли за основание, что монголы, известные под народным названием дулыга, были тюрками. А как предки дулыганского Дома происходили из Дома хуннов, то и хунны были народом тюркского же племени. Это смешение монголов с тюрками повело ученых Западной Европы к превратным понятиям о народах монгольского племени, обитавшего в Средней Азии в древние времена”.

Знакомясь по этой книге с историей, деяниями всех тюркских ханов, их около 40 здесь названо, я убедился, что во всех этих историях сохранились названия тех племен, которые составили казахский, узбекский, киргизский, татарский народы. То есть это наши пра-пра-отцы. И конечно, незнание того,

что эти же названия племен сохранились у нас, мешало великим нашим ученым, включая Гумилева, расшифровать названия тех племен, которые идут от древнейших времен.

В книге же Бичурина приводится пример того, как около 5 тысяч лет назад они назывались так, как они сейчас называются. И я подумал, что книга отца Иакинфа вполне могла бы стать учебником по истории Казахстана и что каждому просвещенному человеку нельзя не испытывать чувства благодарения человеку, возвращающему нам наши корни, нашу древнейшую историю.

Грешным делом я подумал: если бы, исходя из государственного заказа, Министерство культуры, информации и общественного согласия не выпустило тех 40—50 названий книг, которые мы получили благодаря Году национальной истории, а только бы подарило читателям Бичурина, то мы бы могли радоваться этой удаче еще лет 20—30. Сколько в ней удивительных историй, написанных по-ученому доказательно и по-писательски увлекательно! Например, истории о том, как объясняется название дулыга, переводимое как “шлем”.

Оказывается, изгнанному народу, потерпевшему поражение, пришлось стать рудознатцами и кузнецами в Алтайских горах, прежде чем вернуться вновь на исконные земли. А почему в казахском языке слышатся отзвуки китайского, греческого, персидского? Это говорят древние связи с Китаем, Византией, Ираном. И скифы — это те же саки, те же гунны, те же уйсуну — те же наши предки, в силу исторических обстоятельств разделившиеся, и часть из них затем испытала еще и влияние славянской культуры.

Читая Бичурина, я пришел к выводу, что жизнь народов Великой Степи была тесно связана с

производством, именно производством шелка. Караваны, выходявшие из Китая в Византию, не могли миновать Среднюю Азию. Они нуждались в охране — так появились саки, что значит охранники. Саки, су-саки, боры-саки, кап-саки... Улавливаете созвучие? И каждую историю, историю каждого хана можно уже сейчас брать основой сценария и снимать многосерийный фильм. Он будет интереснее любого детектива, боевика и сентиментальной “мыльной” оперы, потому что будет соединять в себе все эти жанры и иметь большое воспитательное и познавательное значение.

Вот почему в несвойственном мне пафосе пишу я это емкое русское слово — благодарение.

ОН НЕ БЫЛ ПЕВЦОМ ВОЖДЕЙ

— Можно сказать, что мы живем в эпоху великих и славных дат: в нынешнем году республика торжественно отмечает 150-летие выдающегося акына-импровизатора Жамбыла, в минувшем праздновали юбилей Абая. Каково ваше отношение к юбилеям вообще?

— Боюсь, что мы отпраздновали лишь имя Абая, а суть осталась где-то в стороне. Но разве сам Абай стал от этого менее великим?

Мы празднуем для себя некий юбилей некоего абстрактного авторитета, и главной частью торжеств являются по устоявшейся традиции нуднейшие доклады — вот и льется поток общих слов, ничего не значащих и никому, в том числе и покойному юбиляру, не нужных.

А потом — ты замечал, наверное? — все выходят и говорят: вот, мол, был он мудрейшим из мудрейших, высокого таланта человек, это наша гордость, Абай возвысил Казахстан — причем все в один голос, как под копирку. А чем возвысил, почему его имя навеки запечатлено в истории человечества — об этом ни слова... Да ведь для того, чтобы называться великим философом, выдающимся мыслителем, он должен был продвинуть общечеловеческую культуру вперед хотя бы на один сантиметр. И этот условный один сантиметр —

каков он у Абая? В потоке славословия этого-то как раз и не услышишь... Не хотим сказать или не можем?

— Наверное, просто не привыкли задумываться над тем, что кажется само собой разумеющимся...

— Так что, юбилеи у нас носят тот же характер, что и в прежние времена. Ставим птички-галочки: выпускаем фильм, посвященный великому человеку, обошедшийся в огромную сумму; потом выясняется, что фильм никудышный. Теперь вот Жамбыл... Недавно я смотрел рабочий материал и, поскольку имею представление о том, каким должен быть этот фильм, в очень вежливой форме высказал свои сомнения, но тут же получил нарекание. Один из моих собеседников даже сказал, что я, наверное, и сам не против стать автором. О том, что в действительности мною движет, он не думает, ибо прежде всего ищет подоплеку. Я говорю: "Пройдет 5-6 месяцев, вы все равно должны будете сдать этот фильм, не так ли? Давайте сейчас, пока не поздно, переделаем сценарий, если понадобится, заменим режиссера, но выпустим фильм, достойный Жамбыла. "Нет, — говорят, — уже истрачена огромная сумма, доведем до победного конца".

А какой ценой достанется такая "победа?" Я не злорадствую, но, поскольку на этом деле, как говорится, собаку съел, вижу — искусство это или нет. Каков певец, мы безошибочно можем определить с первой ноты, так и здесь. Мне говорят, мол, рано судить о фильме, мол, я слишком пессиметично настроен...

Господи, дай-то Бог, чтобы этот фильм вышел приличным! Но для этого, уже не говоря об ошибках, нужен хотя бы СЮЖЕТ! Какое же это, скажи на милость, произведение искусства, если в нем ничего не происходит! Один поэт-

импровизатор поет, другой поэт-импровизатор поет – это что, драма? Трагедия?! Глубоко убежден в том, Жамбыл был непонятым поэтом, непонятым своими же. Ему создали имидж певца вождей – а ведь он никогда им не был! Его делали им – упорно лепили образ акына с домброй в руках, который едет на коне и поет о Великой Конституции. Теперь мы старательно ругаем этот липовый образ, который сами же не менее старательно создавали! А ведь это был выдающийся поэт, обладавший непревзойденным художественным талантом, и высочайший уровень его импровизации остается недостижимым для современных пишущих поэтов.

В фильме, о котором я говорю, с завидной последовательностью показывается, как он родился, как состязался, как женился... Ну и что? Суть-то не в этом! Самое главное, увы, осталось за кадром - и это главное заключается не в том, женился он или не женился, состязался или не состязался, а в трагичности его судьбы. Только трагизм творческой личности интересен человечеству, а благополучие... Благополучный муж даже жене не интересен, не говоря уж об обществе. Вот в какое странное время мы живем...

ТАК, НЕ БУДЕМ ВЫСОВЫВАТЬСЯ?

1. Денежки для “папенькиных деток”

Сейчас у нас в эшелонах власти появилась когорта людей, которая себя называет “командой Президента”, на самых разных уровнях — от Дворца на площади Республики до областного, районного, аульного масштаба. Но, называя себя так, всегда ли эти люди работают на благо идей, все ли делают для того, чтобы не ставить под сомнение начинания Президента?

Одна из главных проблем сейчас в областях, вплоть до самого отдаленного аула, — несвоевременная выплата денег и в городских, и в сельских хозяйствах. Я много ездил по холодным, голодным аулам и видел, что все руководители с каким-то трепетом ждали от правительства денег: люди не получали зарплату за 5–6 месяцев. Стал я свидетелем и того, как в один из районов пришли деньги. Но каково было мое удивление, когда я узнал, что зарплату население все равно не получило, выдали только малую толику—аванс за 15 дней. Ждать полгода, чтобы... В чем здесь дело?

Проанализировав увиденное и услышанное, я сделал вывод, что руководители, так ревностно называющие себя командой Президента, ждали эти деньги, чтобы выручить своих детей. Практически все без исключения “папенькины детки” открыли свое дело, свои фирмы в городах, большинство— в

Алматы. Кто-то у кого-то сидел на счетчике, кому-то угрожали за неуплату долгов, и радость руководителей от областного до аульского масштаба была связана именно с возможностью переправить деньги своим детям. И вот они в очередной раз выручили свои чада. Однако молодые люди, не имеющие опыта, снова и снова оказываются в финансовой кабале, а чадолюбивые родители снова и снова залезают в государственный карман, забыв о нуждах вверенных им людей, порождая недовольство, создавая социальную напряженность. В конечном счете люди апеллируют в своих бедах к Президенту: куда он смотрит, куда он нас довел и т. д.? А настоящие виновники такого положения дел остаются в тени.

2. Аким успевает отбиваться

Вторая беда: испокон веков у нас было так, что человек, бравший на себя бремя ответственности, был уязвим в своих порывах, те же, кто умел себя держать по принципу “не высовывайся”, всегда оказывались в выигрыше. Общеизвестный исторический пример: Колумб, открывший Америку для испанской короны, увеличивший территорию империи в 20 (!) раз, наводнивший метрополию золотым потоком, был оттерт и оклеветан бездарными придворными “сухопутными” адмиралами. То есть любые заслуги человека можно свести на нет ежедневной мелкой клеветой. Данная практика широко известна, но от этого она не становится менее опасным оружием в руках людей своекорыстных. Именно она превращает целый народ в толпу “граждан”, в безвольных ЗОМБИ.

Я никого не хочу защищать, никого не хочу обвинять, я не юрист, я писатель, наблюдающий

жизнь и делающий выводы. Недавно я побывал в Жамбылской области. За дастарханом мои высокопоставленные знакомые с ухмылкой рассказывали, что их аким по утрам бегаёт, занимается спортом и вообще много на себя берёт. Я познакомился с акимом области и увидел интересного человека, главной заботой которого стало вывести область из экономического тупика. Акиму большой области, конечно, нелегко. Но здесь трудности иного рода. Например, рядовой гаишник попался на вымогательстве — его наказали. Невелика, казалось бы, беда. Но последствия были большие: пошли звонки из столицы с предложениями освободить виновного от наказания. Аким не послушался — начались угрозы... Второй случай: он снял с поста директора, который проворовался. И снова “сверху” пошли звонки, уговоры. Когда он не среагировал, ему намекнули, что “тебе придется скоро уйти”.

К кадровым перестановкам в области начал проявлять интерес один столичный еженедельник, ныне уже несуществующий. Казалось бы, ну снял аким проворовавшегося директора. Но газета подняла шум: “человека Президента” снимают за приверженность делу реформ. Хорошо бы прошла единичная публикация: не разобрались газетчики, что к чему... Нет же, вернувшись из Жамбыла, я прочитал в той же газете список людей, смещённых этим новым акимом, где дается национальность, а в случае с казахами — племя, род.

Как известно, у казахов около 3 тысяч больших родов, крупные роды объединяют до сотни тысяч человек. Иному читателю может быть непонятно, что для казахов родовая принадлежность не позор, а благо. Наши предки блюли ее для того, чтобы воспроизвести здоровое потомство, не вступая в родственные браки. Кроме того, род — основа

коллективного выживания, коллективной защиты и управления. И, заметьте, казахи, несмотря на такое родовое разделение, говорят на одном чистейшем языке, без диалектов. Это отмечали и русские, и западноевропейские ученые-путешественники еще в XVIII веке.

Разделение по родам, к сожалению, часто кажется тем, кто изнутри не знает казахский народ, неким диким состоянием. Обидно, когда эту особенность не дают себе труда понять люди, давно бок о бок живущие с казахами. А когда столичные журналисты дают список и указывают, из какого рода смещенные или назначенные люди, — это выглядит провокационно.

Но вернемся в Жамбылскую область. Ее аким Амалбек Тшанов, человек в какой-то мере закономерно резкий, рассказал мне, в каком состоянии находилось хозяйство области, когда он ее принял. Чтобы достичь уровня 1991 года, области надо десять лет развиваться высочайшими мировыми темпами: заводы, предприятия химии и сельского хозяйства стоят... Несмотря на эти трудности, он надеется, что дела пойдут на поправку, оживятся и сельское хозяйство, и промышленность. Он мне показал аллею... ухоженную аллею, за которую был обозван “дровосеком”, и мимоходом бросил:

— В этом году по области посажено более двух миллионов саженцев различных деревьев!

Между тем со временем меняется мнение и о “неудобном” акиме. Секретарь Жамбылского городского маслихата Надежда Дмитриевна говорит:

— Глава областной администрации лично мне импонирует своей жесткой требовательностью, деловитостью, умением предвидеть, предопределять ситуацию, найти пути неординарного решения.

Другой мой собеседник, секретарь областной писательской организации Карим Баялиев, в своих суждениях был более резок:

— Наше общество переживает головокружительный переход от одной формации к другой. Именно головокружительный! Время крутое. Нравы крутые. Только смелый и сообразительный руководитель может отвести нас от опасной крутизны. Таковым я вижу Амалбека Тшанова. В первое время многие его не понимали. Его поступки казались слишком резкими. Особенно его приняли в штыки бывшие, так называемые партийцы, засидевшиеся руководители. С приходом нового главы почти все они лишились “тепленьких” мест. Они-то и ропщут...

Ропщут... Но не логичнее ли в данном случае дать ему работать, дать возможность показать, чего человек в работе стоит, а не делать из него различными измышлениями удобную мишень...

В этой связи вспоминаю Жаксыбая Койшиманова, покойного директора Зырянского комбината. Я дружил с ним, он стал прототипом одного из героев романа “Гнездо на облаках”. Он мне говорил: представь, ты отвечаешь за судьбу комбината, десятков тысяч рабочих и, естественно, при решении каких-то вопросов отступаешь от ранжира. Тут же на тебя нашлют комиссию, обеспечат выговорами, вчерашняя школьница тебе нотации читает... Как тут не сорвешься, не нагрубишь?! К его чести, он до конца жизни считался только со своей совестью. Но его жизнь — пример того, как трудно жить человеку крупному, делающему большое дело под прицелом всевидящего чиновничьего и обывательского ока.

3. Что за комиссия, создатель?

Еще один такой пример – сегодняшнее положение дел в республиканском драматическом театре им. Ауэзова. В последние три года с приходом к руководству Тунгышбая Жаманкулова я тоже варюсь в этом котле – мы с Калиханом Искаковым стали членами худсовета. И мы видим, что сегодня в театре берут верх какие-то человеческие моменты: открытость, демократичность. Вот один пример. Когда к Жаманкулову кто-то приходит просить роль, он говорит: это не дело директора, режиссер сам должен выбирать. Когда художественный руководитель из своего кресла начинает давить – это приводит только к развалу спектакля.

И второй момент, который мне нравится в Т. Жаманкулове: будучи актером, ставящим спектакль, он не выдает себя за великого режиссера, понимая, что еще только учится новому ремеслу.

За последние два года в театре прошли два фестиваля, на которые в прошлом году было представлено десять спектаклей, в этом – девять. Не все они равнозначны, но начавшийся поиск уже ощутим – в работах режиссеров Булата Атабаева, Кайрата Сугурбекова. Конечно, говорить о каких-то вершинах еще рано, но этот поиск идет в русле поиска мирового театра. А театр становится авторским: автор – режиссер, автор – драматург, автор – актер. Это триединое авторство может дать хорошие результаты. Мы должны признать: старый казахский театр, классический театр, был очень хорошим, я сам воспитывался в его духе, но всякое явление имеет свое начало и свой конец. Театр из “говорящего” становится театром поступка, активного вмешательства в жизнь, отражая таким образом требования времени.

Театральная критика признала такие интересные постановки, как “Когда говорю “Абай”...” (реж. Атабаев), “Принцесса Турандот” (реж. Жаманкулов), “Енлик-Кебек” (реж. Хаджиев), “Мадонны Алжира” (реж. Атабаев), “Феникс” (о Жамбыле, реж. Сугурбеков). Я не отрицаю: есть и другие интересные режиссеры в республике. Но ценность их работы должна определяться наличием поиска, а не наличием былого авторитета. Давить авторитетом былых регалий нельзя в искусстве. Я вообще противник всяких званий — они тормоз в творчестве. И даже становятся общественным злом, когда 60-летние матроны играют Джульетту или Кыз-Жибек, а молодежь старится в массовках.

В последние два года я, как член худсовета, ежедневно бывая в Ауэзовском театре, вижу, как здесь меняется жизнь. И что же? В результате этот театр забросали заявлениями, жалобами, письмами — “компроматом”. И задержали разборками вокруг них. Доходит до курьезов: по одному из заявлений так называемой оппозиции, поступившему в Министерство культуры, буквально в считанные часы была создана комиссия. Мы с Калиханом Искаковым выразили удивление: неужели коллегия Минкультула заседала ночью, чтобы ее создать? В этом угадывается заинтересованность: сотни заявлений в эту инстанцию годами остаются без ответа, а тут такая прыть! Увы, эта комиссия так долго работала, лишая театр делового настроения, что в итоге многие спектакли, которые должны были запуститься накануне, стояли: коллектив был выбит из творческого ритма.

Поневоле думаешь: если мы хотим стать цивилизованной страной, мы должны создать механизм, который бы сам по себе, вне зависимости от отношения вышестоящих покровителей, мог защищать думающего, творческого,

инициативного человека. На Западе такой механизм защиты есть. Надо, чтобы и у нас активный человек мог чувствовать себя спокойно. Нужна большая открытость. Если человек, тот же аким Жамбылской области или директор столичного театра, страдает от нападок — дайте ему возможность высказаться. Не односторонней должна быть критика, особенно в газетах. Неужели редакциям не интересно знать, что думает другая сторона? В противном случае создается впечатление, что критика исходит от тех, кто метит на это, с их точки зрения, выгодное, “теплое” местечко, прокладывая себе путь любимыми средствами. Но если таким людям дать возможность убрать одного, другого — значит подать им сигнал вседозволенности. Поэтому, когда о каком-то человеке вдруг усиленно муссируются слухи, обществу стоит задуматься: может, это и есть тот самый нужный нам человек? Ведь о “премудрых пескрях”, что в тени, что о них скажешь? Они не случайно затаились.

Так неужели айсберг нашего времени движется снова к тому берегу, где спокойно будут процветать бескрылые “мудрецы”, избравшие себе лозунг “не высываться”?

РОСТОМ ОНИ ПО ШИКОЛОТКУ КНИГЕ, А ТУДА ЖЕ – ПЫТАЮТСЯ ЕЕ КРИТИКОВАТЬ!

Дед у меня - педагог, отец – сельский учитель, и мне сам Аллах велел поступать в пединститут. Семейная профессия, судьба! И стал я первокурсником физмата в КазПИ. В нашей сельской школе дальше алгебры дело не пошло, и про тригонометрию я услышал впервые на лекциях. Взял я учебник и за четыре дня не просто прочитал его - наизусть выучил, постранично запомнил. Такая уж у меня память. А жил я в общежитии, и со мной в комнате жили еще человек восемь. Прихожу вечером из библиотеки голова пухнет от формул и чертежей, а ребята читают вслух Ауэзова, новые главы из его романа. Мне, конечно, не до изящной словесности, но волей-неволей слушаю и запоминаю. Причем, слово в слово. Любовь Абая к Тогжан, его страсть, восторженная красота мироздания. Тригонометрию я выучил назубок, но и страницы эти навеки врезались в память. И во мне вдруг проснулся жгучий интерес к слову - к тому, что называется литературой...

Так Ауэзов “перетащил” меня на филфак.

Я знал: Ауэзов преподает в КазГУ. А мы в пединституте лишь мечтать могли о том, чтобы его увидеть и услышать! И вот однажды наш ректор, Герой Советского Союза Малик Габдуллин (прекрасный был человек, великолепный литера-

тор!), заходит к нам, первокурсникам, в аудиторию и говорит: “Хочу вам подарок сделать - пригласить Ауэзова”.

В ту ночь я не спал. Память начитывала мне страницу за страницей из ауэзовского романа, и я, будто слитки золота, перебирал фразу за фразой...

Он приехал на длинном черном ЗИМе, и теперь я знал, что именно на таких машинах ездят живые боги. А мы собрались в 13-аудитории, а такая одна в институте: аудитория-амфитеатр. Выступавший был хорошо виден всем. Мы стоя долго аплодировали гостю. А он был остроумен, весел и тоже рад встрече с нами. Но под занавес встали два “доброхота” и один за другим по шпаргалке зачитали текст, обвинив автора романа “Путь Абая” в восхвалении феодально-байского строя. “А где же образ простого пролетария?” – вопрошали они. Лицо Ауэзова мгновенно почернело...

Теперь я понимаю: шел октябрь 1952 г. Сталин был еще жив, а в вузах Алматы уже преподавали “космополиты”. Их следовало находить и в среде казахской интеллигенции. Как видите, нашли...

Встреча закончилась. Все встали, готовясь овацией проводить гостя, а он, сутулясь, торопливо вышел из аудитории. Я, боясь упустить момент, тревожась, что ускользнет какая-либо подробность этой для меня очень важной (почти исторической!) встречи, выскочил следом.

У подъезда стоял тот самый черный ЗИМ. Габдуллин был обескуражен. Он, как бы извиняясь, что-то говорил Ауэзову. На что тот ответил (я четко слышал его голос): “Ты-то при чем?..” И дальше была сказана фраза, всего лишь одна, ее слышали мы двое, я и Малик Габдуллин: “Ростом они по шиколотку книге, а туда же - пытаются ее критиковать”. И уехал.

Давно забылись имена и лица выступальщиков, нет в живых ни Малика Габдуллина, ни Мухтара Омархановича, а я все размышляю над его словами: Бог или дьявол посылает великим людям критиков-пигмеев, которые, будучи по щиколотку гениальному творению, тщатся его охаивать?

Сейчас человечество готовится праздновать 100-летие Мастера. В общем хоре поющих хвалу громче всего раздаются голоса тех, кто лет 10-15 назад нес хулу, пытаясь стащить Ауэзова с пьедестала, чтобы вскарабкаться на его место, закаменеть на нем. При одном из директоров издательства "Жазушы" Ауэзова не издавали 18 лет подряд. Зато один из тех, кто метит на его постамент, был издан в это же время 22 раза. Да что там Ауэзов! Сектор абаеведения в АН РК был в какой-то момент на грани закрытия. И происходило все это не при Сталине, а в 60 - 70 гг...

Вторая встреча. Я, молодой литератор, работал в то время в газете "Қазақ әдебиеті" корреспондентом. Однажды после редколлегии, когда я сидел в опустевшем кабинете главного редактора с Утебаем Канахиным, человеком порядочным и добросердечным, к нам вошел Ауэзов, заглянул по каким-то делам. И Канахин от великого волнения выпалил до жути нелепую фразу: "Муха, я прочитал на днях вашу книгу и собираюсь написать критику". По-казахски это прозвучало с дурным подтекстом: де-мол, я вас покритикую. Ауэзов как-то нехорошо усмехнулся: "Что ж, пиши, пиши, критикуй, но помни: не только критик оценивает книгу, но и книга дает оценку критику. Ты меня понял?"

Задним числом я думаю так. Было это за год до смерти Ауэзова. Шел 1960-й. Его опять начали травить. И неловкая фраза хорошего человека обескуражила Ауэзова. Повторяю: Канахин сказал

это без злого умысла, имея в виду, что собирается писать статью, но употребил при этом слово “сын”, а оно в казахском имеет основной смысл “критика”. Очевидно, Ауэзов воспринял эти слова как очередной выпад против него.

Но, если отбросить неловкость момента, Ауэзов произнес, по-моему, идеальную фразу: не только читающий оценивает книгу, но и книга определяет интеллектуальный уровень читателя.

Сколько раз я слышал мнение о том, что, мол, последняя часть “Войны и мира” старику не удалась, засушил он ее историческими штудиями и философией. Скукота! А то невдомек горькритику, что, не будь этой “скучной” последней части, мы утратили бы нить всей эпопеи. То же самое “лепят” и про “Путь Абая”. Мол, первые две книги - да, захватывает, увлекает. А вот в третьей-четвертой понесло, дескать, автора в глубокую философию, она не всякому по зубам. Что верно, то верно - не всякому по зубам. Роман Ауэзова - не для дураков. Как и роман Толстого. Тут нужна культура чтения.

Вот, пожалуй, и все. Бережно храню в памяти эти две, как бы случайно брошенные Мастером фразы. Не знаю, зафиксированы они где-либо или нет. Но мы должны их знать и помнить.

ЕГО НЕ СМЯЛ ДЕВЯТЫЙ ВАЛ СУЕТЫ

15 июня общественность страны отметила 70-летие великого казахского актера Нурмухана Жантурина, к сожалению, не дожившего до этого юбилея. О его вкладе в театральное и киноискусство республики на вечере в Доме кино было сказано много. Размышления писателя Акима ТАРАЗИ не относятся к разряду сугубо “юбилейных”. Они о времени и личности, не вписывавшейся в его жесткие рамки ни при жизни, ни после смерти. “Время формирует человека, а человек только в какой-то степени способствует созданию облика времени”, – говорит писатель. Его “мысли вслух” мы и предлагаем вниманию наших читателей.

**Досчитать до ста...
И не сдаться**

– Сейчас немало выходит книг, посвященных нашим корифеям, большим талантам. Характерной для них является одна черта: все они написаны по казахской поговорке: “У потерянного ножа рукоятка золотая”, или по-русски, интерпретируя латынь: “О мертвых хорошо или ничего”. Мне приходилось читать книги, где пятнадцать-двадцать человек в своих воспоминаниях об ушедшем твердят: “Это был великолепный, талантливый

человек, трудяга!”, умудряясь не привести ни одного факта. Как-то в одной из таких книг я пытался выудить сюжет для своей работы, но не нашел ни одной конкретной детали, не говоря уже о сюжете. Ислам учит говорить о мертвых только хорошо, да и у других народов это так. Но одно дело простить грехи ушедшего, однако поступки его, саму личность, думаю, не надо приукрашивать. И вот когда мне попала в руки книга о Нурмухане Жантурине “Я – актер, я – человек, высшее достижение создателя”, она мне понравилась тем, что здесь восхвалений нет. Прочел я ее с большим волнением, за одну ночь, как роман, насыщенный фактами.

Так случилось, что последняя его работа в театре, до ухода со сцены в 1968 году, была связана с постановкой моей пьесы “Несмешная комедия”, где он играл главную роль. Я тогда был молодым, и говорить, что постиг суть его таланта, было бы неправдой. В этой пьесе Жантурин меня в нескольких эпизодах поразил. Один из них такой. Мой главный герой перед совершением очень важного для него поступка приходил прощаться с матерью. И мать не открывала ему дверь, не прощая прошлые обиды. И вот эту сцену он как-то странно, очень лично играл. Я в те годы не понимал, в чем дело. Когда я прочел эту книгу, для меня многое открылось. В ней есть письмо, которое Нурмухан написал отцу, не признававшему и не прощавшему его при жизни. Я поразился, настолько это письмо совпадает и настроением, и словесным выражением с тем эпизодом, о котором я говорю. И объясняет слезы актера, когда он произносит: “Эх, мама, ты меня не поняла”. Так перекликаются его судьба и маленький эпизод в пьесе. А потому, когда речь идет о Нурмухане, ни на минуту не надо забывать о времени, в котором он жил, и о ситуациях его

биографии, которые отражались в образах, создаваемых им на сцене и в кино. Я в этом убедился сам.

Когда мы людей оцениваем после их ухода, то в первую очередь говорим о том, что человек после себя оставил. Хотя иногда какой-то поступок так врежется в память, что навсегда определяет для нас суть его характера. Так, Нурмухан открылся мне в одной ташкентской поездке. Шел кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки. В один из дней я повез Нурмухана Жантурина и кинорежиссера из Армении Фрунзика Давлатяна к своим родственникам, живущим в казахском ауле в окрестностях Ташкента. Там протекает река Келес, на которую мы отправились купаться. Речка неглубока, но имела водоворот в месте, где в нее врезался канал, сбрасывавший воду для хлопковых полей, километров за пять-шесть. Устье этого канала метра два в диаметре было забрано решеткой, которую накануне кто-то сломал, так что человека вполне могло засосать в него. Мы плавали, совершенно не обращая внимание на бульканье на дне, не задумываясь и не зная о его причине. И вдруг какой-то ох, вздох, и смотрю — Жантурина вода всасывает в этот подземный туннель. Я заметался, но, конечно, ничего не мог сделать. К счастью, подвернулся милиционер, который кинулся в этот водоворот, и мы втроем его вытащили. Помог солдатский ремень с пряжкой, который оказался на поясе у милиционера. Вытащили мы его почти мертвого, положили на асфальт и стали откачивать его.

Прошло какое-то время. Мы, забыв, что это была смертельная опасность, стали потешаться, хохотать над этим случаем, как все молодые люди. Я пошутил: "Ну как на том свете?". И он рассказал: "В детстве, когда я нырял, я мог перешеголять всех

аульных ребят. Я мог до ста сосчитать под водой... Полторы минуты. Вот когда почувствовал, что хана мне, я начал считать: раз, два, три...". Где-то на девяносто мы его вытащили, в полубессознании продолжавшего считать. Вот выдержка характера! В этом весь Жантурин. Когда ему было трудно, в годы, когда он был отторгнут от театра, страшно по нему тосковал, мотаясь по киностудиям Союза (хорошо, их было тогда шестнадцать, и такому актеру, как Нурмухан, всегда была работа), я думаю, все эти годы он не переставал считать до ста. Каждый день был, как такой отсчет. Этот эпизод отражен в моем романе "Гнездо на облаках". Прототипом героя послужил другой человек, но обогатил я его характер за счет Нурмухана.

Акула в мутном озере времени

Человеческие качества всегда сказываются на судьбе личности. В пьесе "Несмешная комедия", о которой я говорил, был эпизод, когда мой герой вынужден выступать перед ненавистными ему людьми. В огромном напряжении сил вскакивал он и начинал играть этюд. Он чертил на полу сцены круги, залезал в один, беспрестанно двигаясь, в другой, также не останавливаясь ни на минуту, приговаривая по тексту: "Это моя работа, это моя контора", и так без конца перемещался он из круга в круг, пока в усталости не сваливался со стоном: "Ух! Оказывается, вся жизнь прошла..." Я автор, не придавал особого значения этому эпизоду, а Нурмухан наполнил его философским смыслом: как суета съедает человеческую судьбу, как манипулирует человеком, оставляя его "на бобах". Признаться, я даже подумал: зачем так напрягаться в проходном эпизоде, где я просто хотел посмешить зрителей? Прошли годы, и я понимаю,

какой силы потребовал от него этот эпизод. Когда он на мгновение в своем понимании жизни становится выше всех этих высокопоставленных чинов и глядит на них как бы из космоса.

Кстати, о космосе. В этой пьесе мой герой был летчиком-испытателем, а режиссер-постановщик москвич Виталий Иванов (теперь-то я понимаю какой это яркий талант, какой скромный, но великий!) сделал его космонавтом. Когда после четвертой премьеры спектакль закрыли, причину мне прямо не говорили, но дали понять: в пьесе космонавт погибает. А у нас в стране космонавты не погибают! Увы, пьеса оказалась не по-хорошему пророческой: через два-три месяца трое космонавтов погибли, сгорели.

Но не это главное. Я думаю, спектакль закрыли не потому. Где-то исполнитель главной роли Жантурин, игра которого не вмещалась в общепринятые каноны, послужил тому причиной... Его протест против косности людей, облаченных властью, выступал за всякие рамки. Вот он подходил к высокой темной стене, долго смотрел и вдруг лбом бился об нее: я ничего не могу против вас сделать, я бессилен... Это было неожиданное и сильное решение, которое он сам придумал. И сам этот эпизод, и то, что Жантурин в результате ушел из театра, — это было символом того времени. Сейчас вот говорят: главный режиссер с ним не сработался или он с главным режиссером не сработался... Я так не думаю, главный режиссер был один из тех, кто мог сработаться с любым режимом. Ведь в то время был великий лозунг: не высовывайся. Тех же, кто высовывался, жизнь очень быстро ломала, хотя были и те, кто еще долго "рыпался". Жантурин был из таких.

Он своим великим талантом был похож, скажем, на акулу, которую бросили в маленькое спокойное

озеро при ауле. Он там не мог поместиться, ему не хватало среды обитания. И он “мутил воду”. И поэтому, естественно, будь на месте главного режиссера того времени другой, он все равно Жантурина очень культурно вытурил бы из этого мутного озера. Это было время подрезанных крыльев, засушенных мозгов, стандартного мышления. А самобытный талант не мог вместиться в его прокрустово ложе.

Часто говорят об ушедших: это был великий актер, это — выдающийся... По сути дела, мы доверяемся мнению, словам людей, которые видели спектакли с их участием. С Жантуриным в этом смысле нам повезло больше: если спектакли его не остались, то он должен быть счастлив тем, что после него остались фильмы. Свидетельство его великого мастерства — роли великого ученого Чокана Валиханова и султана Бейбарса. Фильм “Бейбарс” три с половиной часа идет. И во все это время он не произносит и десяти слов. Сидит человек, молчит, идет закадровый его голос. Он размышляет. Величие актера в этом. Посади на его место другого, и художественное произведение рухнет через три минуты. Я смотрел его десять или пятнадцать раз по телевидению — не скучно. Хотя знаю сюжет, знаю, как сыграет Жантурин, все равно волнуюсь. Да, идет размышление философа, и мы видим лицо философа. Великого правителя Египта Бейбарса, казаха, увезенного в огне войны, проданного в рабство и судьбою брошенного на землю Египта высшим ее владыкой.

Сидит человек и размышляет о своей жизни... И это смотрится с напряжением, в отличие от американских фильмов с бесконечными погонями и перестрелками. Вот такую прекрасную роль сыграл он в фильме Булата Мансурова и Мориса Симашко. К сожалению, в других фильмах не так,

хотя Жантурин оставался Жантуриним, но когда нечего играть... что тут скажешь? Бывали фильмы, в которых Жантурин оказывался в роли той же акулы в мутной воде: незначительный сюжетик, незначительная среда, на экране ничего не происходит. Идет парад положительных героев, и среди них Жантурин бьется, в буквальном смысле задыхается от нехватки кислорода. Бьется что-то сделать, сюжет не позволяет, автор не позволяет, тупой режиссер не позволяет, тупое время не позволяет... А он бьется, и кажется, что вот сейчас выскочит за рамки экрана и пойдет на тебя. Но, к сожалению, экран может оживить, но может и сковать даже великого актера.

Жизнь после смерти

И последняя поразительная его работа – это булгаковский Мольер в театре Ауэзова. Мне рассказывала моя жена, молодая писательница Роза, что, будучи студенткой, она украдкой посещала его репетиции. И каждый раз поражалась, что он другой. Он искал. И отдавался этому полностью. Он приходил на сцену соизмерять себя с явлением, которое называется “Мольер”. Он словно примерял костюм: или он мал для меня, или я мал для него. И даже когда состоялась премьера, мне лично показалось, что примерка все продолжалась. Он оставался в сомнениях, был недоволен. Я думаю, актер, если он застыл в своем поиске и каждый вечер ждет от зрителя только условных привычных реакций, кончился. Великий актер каждый день ошибается, ищет и никогда не скажет о себе: я сегодня достиг своего идеала. Предела. Ведь за пределом – смерть для любого творческого человека.

Я знаю сотни актеров, которые, выходя на сцену, в первую очередь думают понравиться зрителю.

Желают “выдать”, “играть на публику”. И знаю одного-двух, да, двух — Жантурин и Ануар Молдабеков, которым было “наплевать” на зрителя. Они играли “для себя”. Понятно, что большой актер никогда не играет “для себя”, но суметь забыть о тех, кто сидит в зале, — министр или член ЦК, перед которым надо расшаркаться, — высшее искусство. Жантурину, выходящему на сцену, было все равно, кто там сидит и будут ли хлопать. Он играл для своей души. И вот это маленькое удовольствие для своей души оборачивалось большим удовольствием для зрителей и большой удачей для театра. Так обыкновенный актер “переходит” в категорию великих.

Он при жизни, я говорил, был акулой, и он акулой остается, как ни странно, и после смерти. Да, человек ушел, и мы часто тут же готовы простить его слабости. И даже возвести их в ранг добродетелей, говоря только хорошее, как присуще это нашему менталитету. Но есть актер, которому до сих пор ничего не прощают. Пора бы уже признать: да, это был великий талант. Но мы более незначительных актеров возвеличиваем, присваиваем их имена улицам, мемориальные доски вывешиваем. У Жантурина ничего этого нет. Маргарита Викторовна, его жена, со слезами рассказывала о своем приеме у мэра Алматы, увы, безрезультатном. Зная нашего мэра как человека, с уважением относящегося к национальной культуре, не могу не предположить, что какая-то кошка пробежала между ним и Маргаритой Викторовной. Иначе никак невозможно понять такого отношения к актеру мирового класса, каковым признавали его выдающиеся современники. Но мы проявляем скупость там, где надлежит проявить гордость за соотечественника. Впрочем, это тоже присуще нашему менталитету.

СОДЕРЖАНИЕ

Зима тревоги нашей	3
Сильная рука	5
Время профессионалов	6
Открытым текстом	7
Сквозь стужу времени пробьется эдельвейс О нашем бедном ауле	9
О знакомых мне бомжах	11
О счастливой для казахов девятке	12
Тихое мужество противостояния	14
Демократия – узаконенный беспредел	20
Я всегда на стороне правды	31
Писатель – оппонент любой власти	39
Когда рак на горе свистнет или три источника моего исторического оптимизма	55
Благодарение	64
Он не был певцом вождей	69
Так, не будем высовываться?	72
Ростом они по шиколотку книге, а туда же пытаются ее критиковать	80
Его не смял девятый вал суеты Досчитать до ста... И не сдатьсь	84
Акула в мутном озерце времени	87
Жизнь после смерти	90

Тарази Аким

ТИХОЕ МУЖЕСТВО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Лирико-публицистические эссе

Редактор *Р. Мухтарова*

Тех. редактор *Т. Суракова*

Компьютерная верстка *Г. Сарсенбаева*

Подписано в печать 08.04.2003. Формат 70x100¹/32. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Усл.п.л. 3,4. Усл.кр.отт. 3,7. Уч.изд.л. 3,2. Тираж 2000 экз. Заказ № 336.

Издательство «Білім» Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан. 480009, г. Алматы, пр. Абая, 143.

Отпечатано с материалов, предоставленных заказчиком в Полиграфкомбинате корпорации «Атамұра», 480002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.